

Татьяна Соломатина
Акушер-ХА! (сборник)

«Автор»

2009

Соломатина Т. Ю.

Акушер-ХА! (сборник) / Т. Ю. Соломатина — «Автор», 2009

ISBN 978-5-9955-0068-1

Эта яркая и неожиданная книга – не книга вовсе, а театральное представление. Трагикомедия. Действующие лица – врачи, акушерки, медсестры и... пациентки. Место действия – родильный дом и больница. В этих стенах реальность комфортно уживается с эксцентричным фарсом, а смешное зачастую вызывает слезы. Здесь двадцать первый век с его нанотехнологиями еще не гарантирует отсутствие булгаковской «тьмы египетской» и шофер «скорой» неожиданно может оказаться грамотнее анестезиолога... Что делать взрослому мужчине, если у него фимоз, и как это связано с живописью импрессионистов? Где мы бываем во время клинической смерти, и что такое ЭКО? О забавном и грустном. О врачах и пациентах. О мужчинах и женщинах. О полной безысходности и о вечности. Благодаря этой книге вы по-новому посмотрите на привычные вещи: врачей и пациентов, болезни и выздоровление, на проблему отцов и детей, на жизнь и смерть...

ISBN 978-5-9955-0068-1

© Соломатина Т. Ю., 2009

© Автор, 2009

Содержание

Акушер-Ха!	5
Вместо пролога. «Здравствуйте!»	5
Кем быть?	7
Первая ночь	14
Слава России!	24
Циркумцизио	25
Прикладная косметология	34
Наблюдая закат	38
«Здравствуйте, доктор!»	42
Милочка и йод	44
Носки, алчность и незапланированная беременность	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Татьяна Соломатина

Акушер-Ха!

*Боже,
Как мне хотелось жить
И знать,
Точнее, знание проверить, —
Что в невозможности любить
Не открываются все двери
И не дается благодать.*

Соломатина

Акушер-Ха!

Вместо пролога. «Здравствуйте!»

Увы, все гениальные банальности сказаны, все книги написаны, все жанры не новы.

Шекспир, безусловно, хорош: «Весь мир театр! Все люди в нём – актёры!» Но актёры лишь исполнители. Гениальные и бездарные, искромётные и унылые. И за каждым стоит тот, кто пишет текст. Тот, кто освещает сцену. Накладывает грим, шьёт костюмы, дирижирует оркестром. Ну, и режиссирует, разумеется.

Вы уже успели подумать, что я о театре?.. О писателях или журналистах?.. Нет, конечно. О войне?! Да не приведи господи! Может, о сантехниках?.. Кстати, тема. Наверняка бачок у вас протекает чаще, чем вы ходите в театр. Нет-нет, не у вас лично. Вы, конечно, посещаете все премьеры в Большом. Вот у того унылого гражданина. Впрочем, возможно, он унывает вовсе не по поводу подтекающего сифона. Может, у него просто зуб болит. А плохой цвет лица у дамы из соседнего подъезда вряд ли из-за отложенных гастролей Мариинки. Возможно, у неё что-то с гормональным профилем или муж пошёл за «Клинским», а вернулся с «Путинкой». А у него язва.

А этот малыш почему хмурый? Ах, ему не разрешают кататься на санках, потому что у него аденоиды? А эта симпатичная девушка с большим животом почему кричит на своего дёрганого спутника? Он недостаточно расторопен, а беременных это, знаете ли, раздражает.

А вон тот симпатичный гражданин держится за ухо, а этот – вон тот, тот! – сизоносый – надрывно кашляет. А у соседки бабушка наконец-то померла. Ах, не кривитесь. Конечно, наконец! На вас посмотрю, когда квартира за три года так пропахла старческой мочой, калом и мокротой, что прям хоть грех на душу бери.

А вы-то сами что? Кардиограмма не очень? Давление скачет? Всё в порядке? Ах, только нарколога с психиатром надо пройти? Да-да, конечно, вам для справки. А вон тому пареньку нарколог бы не помешал. И хороший психоаналитик для закрепления пройденного материала.

У приятеля жена родила? Новорождённого в детскую инфекционку перевели в нечеловеческие условия. А сам приятель в «травме». Отпраздновал по полной, родной.

У деда – камни в почках, а у начальника – простатит. Откуда знаешь?! Офис-менеджер на хвосте принесла. Смотри, чтобы она тебе чего другого не принесла!

Буквы расплываются? Шрифт вроде нормальный. Видимо, пора к окулисту, новые очки заказывать. Денег нет? Ну да, мануальные терапевты нынче дороги. Не посещаешь? Зря. Жена всё на косметолога и диетолога извела? Главное, чтобы в гастрохирургии не закончила.

А видишь того, в конце вагона, с книжкой? Знаешь, почему он улыбается? Думаешь, у него ничего не болит и рентген ему никогда не делали? Делали. И болит. Сердце болит. Душа болит, хотя не нашли её патологоанатомы до сих пор. И генетики не нашли. И даже врач-лаборант в эритроцитах и тромбоцитах не узрел. И в моче ничего, кроме фосфатов и уратов, нет. А душа болит у него. А он – улыбается. Потому что врач. Видишь, опять улыбнулся? Он как раз эту фразу сейчас прочитал. И хотя у него те же фосфаты, ураты, почечная колика, зрение, жена и бабушка третий год не ходит, он знает: весь мир – больница. Огромная многопрофильная больница. Со своим приёмным покоем, профильными отделениями, смотровыми, цистоскопическими, рентгенкабинетами и лабораториями, операционными и палатами интенсивной терапии. С моргом и подвалами. С техническими службами и администрацией. С Королями и Шутами, Принцами и Нищими, Повитухами и Могильщиками. Весь мир – больница. И все мы в ней – пациенты.

Поэтому и улыбаются врачи там, где тебе не смешно. И плачут от счастья тогда, когда ты радуешься. И костюмеры у них свои и режиссёры, сантехники и осветители. И болит у них, как у тебя. Душа болит. Потому что пока душа болит – значит, жив. Он жив, ты жив. И я жива. И весь мир.

Я уже достаточно наговорила банальностей? Хотите взглянуть на пятна Роршаха? Впрочем, нет. Это не моя специализация...

Когда деревья были выше, а газоны зеленее, я работала акушером-гинекологом здоровенной многопрофильной больницы...

Кем быть?

*Крошка сын к отцу пришёл,
И сказала кроха:
«Не могу и не хочу!
Мне, папаня, плохо!»*

Тучи сгущались! «Надо обладать немалым мужеством, чтобы говорить банальности!»¹ Но, в силу предстоящих событий и метеорологических особенностей Одессы в зимний период, они действительно сгущались.

Новый год был насквозь пропит. Молниеносно громыхнувшая сессия особо не напрягла. Каждый экзамен завершался обильными возлияниями – у кого на радостях, а у кого с горя. Однако и те и другие из одноклассников предпочитали эпикурействовать на моей территории, поскольку я была единственной на тот момент счастливой обладательницей двадцати четырёх коммунальных метров в центре города. К тому же шестиметровые своды (не рискну назвать их потолками) позволяли всему кагалу курить без особого вреда для атмосферы общения. Однако тучи неизбежности всё равно незримо царили над всем.

После зимних экзерсисов пятого курса сомнения от Герцена преформировались в супрематизм по Маяковскому. Да я бы куда угодно пошла, если бы меня кто-нибудь научил, что делать... Понимаете, о чём я?

Негостеприимно разогнав забывших дорогу в отчие дома и общагу, я встала и пошла.
К Шурику.

Студентом медицинского института он, слава богу, не был, что вселяло надежду на присутствие здравого смысла, объективного взгляда и если не разумного, то как минимум последовательного подхода к вопросу.

Сан Саныч ничтоже сумняшеся прихватил бутылку высококачественного «Абсолюта» из папиного «культурфондового» НЗ, турецкого печенья из маминой тумбочки, и мы отправились на монастырские плиты – решать вопрос из вопросов. Это ведь только у матросов нет вопросов. А в голове студентки пятого курса медицинского института торчал ржавый гвоздь выбора будущей «специализации». Так что даже спиритический сеанс с духом Чернышевского не помог бы разобраться – как же оно всё так вышло.

Однако есть более простые, проверенные народом средства.

Оприходовав по первой сотке из пластиковых стаканчиков, мы перешли к основной цели нашего зимнего саммита у самой синевы Чёрного моря.

– Шура, – сказала я, захрустев печеньем, – «у меня растут года, будет и семнадцать. Где работать мне тогда, чем заниматься?»

– Э-э-э-э... «Нужные работники – столяры и плотники», а?

– Да рада бы, – я глубокомысленно затянулась протянутой мне сигаретой, – только поезд с плотниками ушёл в сторону лесоповала ещё вчера! Но я на него опоздала! И я всё ещё жива!

Шура неожиданно лихо вскочил на парапет и продекламировал:

Инженеру хорошо,
а доктору – лучше,
я б детей лечить пошёл,
пусть меня научат.
Я приеду к Пете,

¹ Тортон Уайлдер. Мост короля Людовика Святого.

я приеду к Поле.
– Здравствуйте, дети!
Кто у вас болен?²

– Вот зачем вы, Шура, стебаетесь об чужое горе?! Завтра у нас предварительное распределение по специальностям, а я за пять лет так и не определилась, доктором чего я предварительно хочу быть... И чегой-то я вообще хочу быть доктором, а?! – И, тяжело вздохнув, заглянула в опорожнённую ёмкость.

– Да бросьте вы глумиться над собою, Татьяна Юрьевна. Давайте-ка уедем отсюда на фиг куда-нибудь далеко-далеко! – жарко прошептал Шура, не замедлив налить ещё по сто. – «Ах вы, витры. Лихие витры...»

От «радостной сорокаградусной» защекотало в носу.

– Куда ехать? Жизнь прожита, – ответила я, вытирая рукавом нос, со всей горючей мудростью своих двадцати. – Давай будем думать... Вот смотри – другим-то везёт – им, кроме терапии, ничего не светит.

Шура тяжело вздохнул, отхлебнув прямо из бутылки, и осторожно предположил:

– А может, невропатологом?..

– Да ты что!!! Я анатомию нервной системы не помню, и, вообще, не нравятся мне все эти позы Ромберга и миопатии Дюшена.

– Зато у них молоточек есть.

– А у ЛОРИков – шахтёрские рефлекторы.

– А у хирургов – скальпель!

– А у анестезиологов – клинок и электрическая «оживлялка»!

– А травматологи голыми руками могут гвозди в стену заколачивать!

– А у рентгенологов – свинцовый фартук!

– А у патанатомов – бензопила! – наш хохот разносился над морем.

– Хорош! – рявкнула я. – Давай серьёзно!

– Давай.

Шура налил, и мы ещё выпили. Очень серьёзно.

Потом ещё серьезнее.

И ещё – пока шли от монастыря до Аркадии.

И далее – от Аркадии до Ланжерона.

Допив последки в парке Шевченко, снова затарились в ближайшем ночном магазинчике. Серьёзность подступала к краям, и мы отправились ко мне, отягощённые намерением обговорить наконец «вопрос вопросов» за партейкой в клуб.

Превратив за какой-то час «ещё» в «уже» и выведя попутно формулу конструкции фундамента мироздания, мы поняли, что «враг не дремал», – наступило утро. Пора заливать в себя кофе и отправляться на голгофу. То есть на кафедру физиотерапии, где и будут рассматриваться наши персональные дела через призму фасе-контроля с целью вычлениить достойнейших среди бластных. Всех прочих ждала немедленная мобилизация во всякие околотерапевтические войска.

Пока мы шли по Приморскому бульвару, настроение моё, надо признать, становилось всё хуже. Надо же такому случиться: у меня карт-бланш на выбор будущей специализации, а в голове ни одной дельной мысли. Кроме той, что я опять займу чьё-то место. Того, кто рождён быть психиатром. Или окулистом. Или урологом, на худой конец, простите за невольный

² Отрывок из стихотворения Владимира Маяковского «Кем быть?».

каламбур. Причём этот таинственный «кто-то», возможно, тот самый Ваня Иванов или Петя Петров, рядом с которыми я сижу на лекциях и курю на переменах.

Глянув на мою хмурую физиономию, Шура жестом фокусника извлёк из внутреннего кармана куртки мерзавчик и, заговорщически подмигнув, серьёзно изрёк: «Для храбрости!»

Мы взобрались на колоннаду. Я щедро отхлебнула и, закурив, решила:

– Шура! Я туда не пойду!

– Щаз! – угрожающе прошипел Шурик и, отобрав у меня эликсир храбрости, поволок за капюшон навстречу неизбежности.

В коридорах спорткомплекса роились мои однокурсники. Поток был хмур и похмельно трезв. Кто-то нервно растаптывал обувь в коридорах. Кто-то менял цвет лица, как хамелеон, от бесконечной курительной эстафеты.

На выходящих из врат аудитории набрасывались, как на вернувшихся из царства Аида. Моя нахальная физиономия на фоне этого триумvirата Серьёзности, Настороженности и Готовности выглядела нелепо и оскорбительно.

– Ну что?! – набросились однокурсники на Васю Перцена.

– Неврология, – еле слышным шёпотом изрёк интервьюируемый, кстати сказать – сын заведующего кафедрой нервных болезней, и побагровел до самых кончиков рыжеватых волос.

– Ну ещё бы! А как же! – эхом раздалась ехидно-презрительные возгласы, и Вася стал фиолетовым в крапинку.

– Не бзди, Васятка! Сын за отца не в ответе! – Шура бодро хлопнул Васю по плечу, после чего застенчивого Перцена сдуло в неведомом направлении.

Взрывной волной меня прижало к Шурику. Хлопнув дверью, в коридор явился Примус.

– Суки! Я, блин, ленинский стипендиат! Я, вашу мать, целевой набор! На селе, ебическая сила, хирургов не хватает! Я им устрою терапию в мухосранской ГКБ!!! – орал он, пожимая Шуре руку. – Привет, – следом произнёс он без паузы и на три октавы ниже.

– Примус, будешь примусы починять и кастрюли бабкам лудить по совместительству, – пьяненько расхохоталась я.

– Молчи, тварь продажная! – беззлобно ответил он, целуя меня в щёку. – Жду вас в «Меридиане», – рявкнул Примус и отчалил.

Крайне расстроенный, из комнаты появился Вадим Коротков. Все с интересом, но издали смотрели на него. Ибо в сравнении с бешеным Вадей Примус был первокурсницей Смольного института.

– Терапия, – с улыбкой Моны Лизы сказал Кроткий, получивший свою антагонистическую кличку в Афгане, где два года отрубил после медучилища фельдшером, и обвёл взглядом аудиторию. Диаметр круга, центром которого он был, тут же увеличился.

– Шшшшура, – прошипела я. Два раза повторять не пришлось.

– Привет, псих ненормальный! – радостно воскликнул Шурик и заключил Вадика в медвежьи объятия. Господство мышечной массы над силой нервного духа в действии. – Идём покурим! Сейчас Танька отстреляется, и в «Меридиан» пойдём, а потом к ней завалимся матом ругаться и в карты на раздевание играть!

Взгляд Вадика стал менее идиотическим. Жизни окружающих были спасены. Парни вышли на крыльцо. А я присела прямо на пол, подперев стеночку. Мне стало безумно весело. Всё вокруг стало невероятно смешным и нелепым. Особенно сын заведующего кафедрой детских болезней, который, пройдя сквозь строй, горделиво объявил:

– Кожвен!³ Я – в «Меридиан»!

³ Кожные и венерологические заболевания (*Здесь и далее – прим. ред.*).

– Вовка, ты туда лучше не ходи пока, – моё человеколюбие высказалось весьма саркастичным тоном. Я поднялась с пола, чтобы выйти на улицу – отсмеяться вдоволь, выкурить сигаретку, протрезветь и... И надо же было такому случиться, что я оперлась на дверную ручку. Дверь раскрылась. В полнейшей тишине все уставились на меня. Из-за раскрытой двери раздался препротивнейший женский голос: «Следующий!»

Ну и что мне оставалось делать? Встряхнулась и вошла.

– Фамилия! – спросил меня скрипучий предклимактерий откуда-то сбоку.

Оглядев уставившихся на меня членов комиссии, я глухим контральто изрекла:

– Романова.

Тут же сработал рефлекс боязни слишком коротких ответов:

– Анна Ярославна, – добавила я.

Вы никогда не присутствовали на клиническом разборе кондового шизофреника-интеллектуала с его непосредственным участием в дискуссии? Тогда вам сложно представить выражение лица уставившегося на меня декана. Он судорожно запустил руки себе в волосы и, сорвавшись на фальцет, пискнул в сторону вопрошающего гласа:

– Полякова! Татьяна Юрьевна! – И, резко перейдя на бас, прочревовещал без паузы уже в меня: – Не выёживайся!

– Анна Ярославна была Мудрая, если мне не изменяют нейроны головного мозга, – подхихикнув, изрёк профессор Носкетти, заведующий кафедрой психиатрии.

– Мудрая она была по отцу. А по мужу очень даже Генрих, Павел Иосифович! – менторским тоном ответила я милому и умному, но вечно сексуально озабоченному старцу.

– Седьмая группа! Первый лечебный факультет!! Пятый курс!!! – в это время уже баритоном надрывно распевал на мотив арии князя Игоря декан.

Секретарша порылась в бумагах, и досье на мою персону было передано председателю комиссии. Некоторое время он молча перелистывал кондуит, перемежая чтение пристальными взглядами в мою сторону.

– Здравствуйте! – пожелала я лично ему не хворать.

– Сверчковский. Борис Александрович. Главный акушер-гинеколог Министерства здравоохранения.

И, немного помолчав, главнокомандующий отрекомендовался полностью:

– Действительный член нескольких академий.

– Действительный? Ух ты! – вполне искренне восхитилась я.

Носкетти хихикнул ещё раз (декан посинел).

– Ну и что вы нам расскажете, Полякова... Анна Ярославна?

Декан тем временем ожил и начал рассказывать глубокоуважаемой комиссии, какая я, в общем и целом, киса и лапочка, умничка и разумничка, талантище и трудолюбие под одной немного съехавшей крышей. И что моя работа о поверхностно активных веществах в метаболизме гельминтов, написанная в бытность старостой биологического кружка на первом курсе, выиграла какую-то там бронзовую медаль на какой-то там выставке народных достижений. И что я активный член СНО с 1917 года. Что именно я лаборантствовала изо всех сил в научной работе заведующего кафедрой патологической физиологии, которая получила премию имени кого-то там. И что я написала стихотворную оду на открытие конгресса патологоанатомов, на котором представила работу по сравнительной характеристике поджелудочной железы скотины резус-положительной и твари резус-отрицательной. И что в зачётке моей, кроме «отлично с отличием», иных записей и не сыскать, даже с графологической экспертизой...

Члены комиссии смотрели на меня с большим сомнением. Я делала декану большие глаза и еле сдерживала желание, восхищённо присвистнув, уточнить, кто это у нас такое совершенство.

– Саша, помолчи! – строго сказал Действительный Александру Ивановичу. – Я хочу послушать, что нам расскажет сама... Анна Ярославна.

Вече отвлеклось от перекладывания бумажек с места на место, и все уставились на меня.

Студенточка двадцати лет, сорока семи килограмм весу, во всём полагающемся третьему дню пьянки хмелю, оглядев всех этих доцентов, профессоров, членов-корреспондентов, действительных и не очень, а также представителей министерства, облздоров, городских управлений и т. д. и т. п., испытала приступ безудержного веселья. Параллельно почему-то протрезвев. Не знаю, кой чёрт её дёрнул? То ли наследственная шизофрения по бабушкиной линии, как результат инбридинга в ряду дворянских поколений? То ли дед – люмпен, алкоголик и хулиган – по отцовской? То ли не вовремя всплывший в голове фильм «Карнавал»? На декана было жалко смотреть. Верховный Жрец сверлил меня взглядом без тени улыбки.

В общем, надув щёки (исключительно с целью не расхохотаться), я произнесла приветственный спич:

Садитесь, я вам рад. Откиньте всякий страх
И можете держать себя свободно,
Я разрешаю вам. Вы знаете, на днях
Я королём был избран всенародно,
Но это всё равно. Смущают мысль мою
Все эти почести, приветствия, поклоны...
Я день и ночь пишу законы
Для счастья подданных и очень устаю...⁴

В гробовой тишине Сверчковский прожигал меня аргоновой сваркой своего взгляда. Его маска... то есть очки – запотели. Все остальные члены комиссии уткнулись носами в стол. Декан мимикрировал и слился со стеной. Первым отмер добродушный старичок Носкетти.

– Быть может, психиатрия? У меня как раз есть вакантное местечко на кафедре. На четвёртом курсе девочка написала замечательную работу «К вопросу о влиянии дигоксина и тетрагидроканнабиола на творчество ранних импрессионистов», а её замечательная поэма «Нет туйона – нет ушей, хоть завязочки пришей!» до сих пор цитируется всеми сотрудниками и пациентами клиники.

– Уж лучше тогда наркология.

Все оглянулись в поисках источника реплики.

– Полякова, ты же ходячее наглядное пособие о дурном влиянии этилового спирта на неокрепшие умы! – голосом декана сдавленно продолжало шептать белое пятно на белой стене.

– Ой, вот только не надо, Александр Иванович, – парировала я. – А кто на олимпийской базе в Стайках у меня последнюю бутылку водки экспроприировал с воплями: «Грабь награбленное!»? А потом полночи фальшиво распевал под окнами: «Я люблю вас, я люблю вас, Ольга», хотя никакой Ольги у меня в номере не было?!

– Ага! Зато Примус там был! Я всё видел! Он утром к проруби купаться без трусов вышел, чем окончательно деморализовал спортивный дух! – взвизгнул декан, вдруг неожиданно проявившись всеми цветами радуги. Поперхнулся и добавил солидным баритоном, обращаясь к комиссии: – Татьяна Юрьевна – спортсменка и не раз защищала честь нашего вуза на соревнованиях.

– Отличница, комсомолка, спортсменка, – изрёк главнокомандующий тоном статуи Железного Феликса.

⁴ *Алчутин. Сумасшедший.*

– Я ещё могу басню Крылова и матросский танец «Яблочко», – с подобострастной готовностью предложила я.

– Апухтина вполне достаточно, – неожиданно миролюбиво сказал Сверчковский. – Татьяна Юрьевна, что вы хотите?

– Я хочу мира во всём мире, «от каждого по способностям, каждому по потребностям» и писателем хочу. Чтобы быть.

– Я же говорю – психиатрия! – подал очередную реплику неугомонный Павел Иосифович.

– Татьяна Юрьевна, я слышал о неиссякаемом потоке вашего острословия от Николая Валериевича, – мхатовская пауза главы комиссии позволила всем членам, которые с предыдущей серии всё ещё оставались в танке, осознать значимость сказанного, – но я настоятельно прошу вас сосредоточиться и отвечать по существу!

– Потому что любое сказанное мною слово может быть обращено против меня на Страшном суде? – уточнила я.

– Потому что вы тратите наше время, а за дверью ещё около пятидесяти таких же бронеподростков, как вы. Итак, кем вы себя видите... в медицине? – сузил рамки задания Сверчковский.

– Знаете что, Борис Александрович, давайте считать, что я страстно хочу быть терапевтом, хотя зелёная пижама идёт мне куда больше белого халата, а Вадиму Короткову мы отдадим мою гипотетически возможную хирургию, – сказала я без тени иронии. Тишина, повисшая в аудитории, стала куда более зловещей, чем во время моего хмельного ёрничанья.

– Боюсь, Татьяна Юрьевна, что ничего не получится. На вас адресный заказ. Вы, как особо ценный интеллектуальный кадр, остаётесь при кафедре акушерства и гинекологии номер один на базе многопрофильной областной клинической больницы. Решение окончательное и обжалованию не подлежит.

Последнюю фразу он произнёс в тон моим первоначальным экзерсисам.

– Зачем тогда было устраивать весь этот балаган с выяснением моих желаний? – серьёзно спросила я.

– Мне было интересно, что это за персона, по поводу которой Николай Валериевич позвонил мне лично, предупредив о возможных осложнениях и самоотводах. Поздравляю вас, Татьяна Юрьевна. До новых встреч. Что-то подсказывает мне, что они ещё будут.

Мне дали понять, что представление окончено, пора бы и честь знать.

Дверью я хлопнула от души. Хотя это, надо признать, было чистой воды мальчишеством. То есть... Ну, как это – в женском роде?..

Свет божий не принял меня дружескими объятиями Шурика, и я поплелась в «Меридиан», где репетиция уже переходила в фазу «кто кого больше уважает».

Только Примус молча курил в стиле «chain-smoke», изредка грозя кому-то невидимому кулаком.

Позже, у меня в коммуне, мы ругались матом и играли в карты на раздевание. Вадик страшно жульничал. Мы допивали водку и гадали на кардиограммах. Даже тишайший и вечно молчаливый Вася пытался острить на предмет того, что я разбила ему сегмент S-T. Я же, сидя у Примуса на коленях, думала о том, как несправедливо устроен мир. Почему? Почему великолепный Примус не получил того, чего хотел? Почему бесстрашному Ваде не досталась хирургия? Почему я... Стоп. Я тоже не получила того, чего хотела.

– Кроткий! – заорала я Ваде, хотя он сидел прямо напротив меня – Вадя, за полтора года много воды утечёт! Я перестану писать сценарии команде КВН, и шеф пойдёт на уступки! Я

наконец-то брошу институт! Делов-то! Шурик вон целых три бросил – и ничего... И у всех у нас всё-всё будет хорошо!

– Особенно, если ты выйдешь за меня замуж, – добродушно сказал Шурик.

Я отмахнулась от него и продолжила:

– И не просто хорошо, а просто озвездоплнительно! Потому что рано или поздно наступит та нулевая отметка, та точка невозврата, когда мир уже не сможет давать нам то, чего мы не хотим. И вот когда мы переполнимся этим «не хочу» по самое «не могу», как гипертонический раствор, вот тогда...

– Кстати, – включился в реальность Примус, – о гипертонических растворах. У тебя раскол есть?

– Нет, а что?

– А то, что завтра некоторым сутки пахать в реанимации. Так что, дама и господа, быстро оделись и пошли в магазин. За водкой, солёными огурцами и прочими смыслами бытия.

– И купаться! – сказал Коротков.

– Вадя, январь месяц! Я не хочу купаться! – категорически отвергла я неразумное предложение.

– Нет, мы пойдём купаться, чтобы уже, наконец, приблизить это самое «не могу» через «не хочу»!

– Дураки вы все, – обиделась я. – Мне нужно было сказать вам что-то важное. Что-то неуловимое... А вы со своим расколом. Я хотела сказать что-то о справедливости, о желаниях, о воле к победе, о безвольности и безразличии, о неисповедимости путей...

– Танька, не тренди! – добродушно перебил меня Примус. – Ты будешь отличным акушером-гинекологом, помяни моё слово. Характер у тебя кровавый, человек ты хороший, хоть и сука редкостная. К тому же скорость реакций у тебя запредельная, и верные решения ты принимаешь интуитивно, если не успеваешь задуматься. А это в хирургических специальностях определяющий фактор. Как раз тебе-то в терапии делать и нечего. Ты там свихнёшься моментально или окончательно сопьёшься. Столько чая тебе не сдюжить.

И Примус радостно заржал, будто изрёк остроту несравненной гениальности...

Шура дружеским пинком по печени поднял уснувшего было на полу Васю Перцена. Впрочем, последнему это ничем не грозило. Будущее отечественной невропатологии не употребляло алкоголь. И не курило. Оно училось, училось и училось, как завещал великий Бехтерев.⁵ Примус кинул на Васю людоедский взгляд и принялся трусить его, как тряпичную куклу, вопя: «Вася! Ну, скажи что-нибудь трезвое, умное и серое заядлым гениям-алкоголикам!!!»

И еле соображающий Перцен внятно, хоть и на полном автомате, произнёс принцип доминанты Ухтомского: «Во все моменты жизнедеятельности создаются условия, при которых выполнение какой-либо функции становится более важным, чем выполнение прочих».

– Ну что ж, – довольно изрёк Шурик, – что и требовалось доказать. Через уста невинного отрока никому не нужная истина обретает офигенно уместный смысл.

И мы шумной толпой отправились на промысел бытия...

⁵ Известный невролог.

Первая ночь

Получить врачебную специальность не так-то легко. Старый анекдот о том, что врач должен быть внимателен и небрезглив, помнят все. Но немногие знают, что студенту медицина как никому другому нужна цепкая память и умение сидеть на заднице. Логикой не постичь анатомии и гистологии – только зубрёжкой. Не поддаются нормы эритроцитов, тромбоцитов, факторов свёртываемости осмыслению и не выводятся формулами. Зубри, брат, или провалишь экзамен. И как только сдан зачёт по остеологии, кажется, что кошмар позади. Но нет! Он только начинается. После ангиологии, спланхнологии, миологии и особенно неврологии тебя уже сложно удивить теоретической физикой. Ты уже не затыкаешь брезгливо носик и не жмуришь глазки при запахе формалина. Ты спокойно ешь яблоко, изучая сулькусы и форамены на человеческом черепе – желательно натуральном, потому что пластиковый череп для изучения остеологии всё равно что резиновая женщина для постижения искусства любви. Уже шутливо фехтуешь на большеберцовых костях с приятелем, не особо думая о том, что эта кость когда-то была составляющей частью чьего-то живого тела. И кто знает, может, именно эта душа смотрит на вас – молодых и жизнерадостных посреди цинковых столов со стоками, выстроившихся в шеренгу по два в огромном анатомическом зале, – и улыбается. Нет, не кощунствуют будущие врачи. Не совершают они акт вандализма. И не играют в игрушки. Они постигают философию, хотя бы они этого или нет.

Первые три сугубо теоретических года кажутся бесконечными. «Господи! Ну почему же я был так глуп и не проспал всё детство?!» – потрясаешь ты атласом Синельникова в потолок. «Боже, когда же всё это закончится?!» – стонешь ты над гистологией Елисеева, зарисовывая в альбом кошмарный сон сюрреалиста под названием «Строение среднего уха». «Ужас! Весь мир – сплошная угроза и одна большая инфекция!» – моешь ты руки по пять раз перед едой после микробиологии и немножко успокаиваешься после иммунологии. «Если меня выгонят из института, потому что председатель госов зимней сессии – монстр, я смогу продать свой альбом по биологии на аукционе «Сотбис», выдав его за ранее неизвестные работы Дали», – серьёзно изрекаешь ты, показывая шедевр «Вошь головная, платяная и лобковая» друзьям, и вас сгибает в молодецком хохоте. Плюнув на факторы Хагемана, вы идёте на дискотеку, а потом всё чудесным образом всплывает в голове на экзамене. «Чудеса не противоречат природе, а лишь известной нам природе», – сказал Блаженный Августин. А изучив строение клеток головного мозга, ты так и не понял, где там это всё хранится, но уже поверил в безграничные возможности человеческой памяти, интеллекта и духа. Слабые – хнычут и зубрят в тепличных домашних условиях. Сильные – работают, изучая урывками в метро, трамваях, троллейбусах и между уборкой операционной.

А кто знает город лучше студентов-медиков? Разве что управление городской архитектуры. «Цикл детских болезней» – у чёрта на куличках на одной городской окраине. «Хирургия» – на другой. И зачем фтизиатрия в расписании зимой? Оттуда же вечером не выберешься и страшно так, что надпочечники сводит! Какого чёрта я два часа слушал этот бред? А ведь и правда, почему его изобретение никто не внедрил, ведь как всё просто, ведь правильно! Ведь верно! И на деревянной ракете вполне можно полететь на Марс! Какая всё-таки прекрасная штука эта шизофрения! Ой, у меня такие же симптомы! О боже! Я умираю от рака, а ведь я так молод! Слава богу, онкология закончилась! Хотя, по-моему, у меня уже дерматит и сразу все венерические заболевания. Вот, и лимфоузлы в паху увеличены! Точно – у меня рак и все кожно-венерические! Вместе с дерматитом, бронхитом, пневмонией и системной красной волчанкой! Кого волнует, что ты не болел ветрянкой? Изволь явиться на занятия! Что, упал в обморок, только увидев дрель на операционном столике? Ну ничего, привыкнешь. Или в терапевты? Но там, знаешь ли, мозгами надо шевелить, а ты до сих пор ничего не знаешь про сегмент S-T и

не различаешь сердечные шумы своими истерзанными роком ушами. Или знаешь что, вообще уходи к чёртовой матери! Иди в деканат, забирай документы! На хрен ты нам нужен тут такой мнительный и ленивый!

Вы не верите, что этот здоровый дядька, лихо вкручивающий шурупы в окровавленную кость, когда-то упал в обморок, увидав, как игла вошла в вену? Я тоже не поверила бы, но я его столько лет знаю... Вы злитесь, что этот тишайший брюнет, рекомендованный вам культурным и обаятельным, сказал, что если вы не приобретёте такие-то лекарства, то вашим почкам «п...ц»? Поверьте, он может рассказать вам сагу о клубочковой фильтрации, клиренсе креатинина в цифрах, показателях и даже стихах. Но у него нет времени – обход, перевязки, цистоскопическая, операционная, рентген-кабинет, и он ещё в поликлинике сегодня на приёме. Он всё знает! Он на «отлично с отличием» сдал нормальную, патологическую и ещё бог знает какую физиологию, нефрологию и урологию. У него красный диплом, он окончил спецклинординатуру, когда вы ещё пешком в детский сад ходили, и с ним я пойду в разведку к чёрту на кулички и переплывать Лету на скорость, не задумавшись ни на секунду. Так что пусть вас не смущает короткое, ёмкое, доходчивое русское слово. Возможно, время, не потраченное на вас, спасёт чью-то жизнь. А лекарство вы уже купите – вы же прониклись? То-то. А что лекарство покупать надо – так это не к нему и даже не к администрации больницы. Это в иные эмпиреи. Практические врачи в них не парят.

Хотя и врачи бывают разные. Есть и свои штабисты, и свой генералитет. Есть главнокомандующие и рядовые. Унтер-офицеры и кавалерия. Те, кто на передовой, и тыловики. Но этому не учат в вузах. Это узнаёшь в первом бою. Учебном. Потому что после шести лет теоретической подготовки ты отправляешься в интернатуру. Твои ровесники уже инженеры, учителя, юристы, экономисты, учёные, дизайнеры и многие-многие-многие, а ты... Не студент и не врач. Врач-интерн. И будь у тебя борода и трое детей – ты пока никто, имя тебе – никак. «Поддай-принеси-постой-унеси-посмотри-запиши».

И ходишь, и смотришь, и пишешь, потому что это великое искусство – правильно написать историю болезни. И стоишь, потому что ни один учебник, ни один, пусть даже самый совершенный атлас оперативной хирургии не отразит то, что на самом деле происходит в операционной ране. И испытываешь ты причастие, первый раз оттягивая крючком ткани. И испытываешь ты посвящение, соединив ткани, ушив «послойно наглухо». И испытываешь ты священный трепет избранного, первый раз разъяв скальпелем живую плоть. И будешь счастлив ты. Пьян ощущением своего могущества. И долбанёт тебя боженька прямо по твоей гордыне гематомой послеоперационного шва. И предвосхитишь ты, как долог, тернист и труден путь, избранный тобою. И несказанно повезёт тебе, если на пути этом попадутся тебе Учителя. В белых, зелёных, голубых и даже розовых одеждах. Грубые и трепетные одновременно. Ругающиеся матом и напевающие что-то из Моцарта в операционной. Непогрешимые и многогрешные. Несущие Свет и приносящие Тьму. Добрые и злые. Спокойные и нервные. Сытые и голодные. Обычные люди. Такие, как вы. Такие, как я. Они спасают жизни. И губят их. Они пьют кофе, чай и водку. Сок и воду. Любят женщин, детей и собак. Мужчин и котов. Или не любят. Они более других осведомлены, что курить вредно. Они могут с биохимической, патофизиологической и даже патанатомической точностью рассказать вам, почему курить вредно и чем это грозит. И всё равно курят.

Интернатура со всеми её подводными камнями, тёплыми и холодными течениями, эвекстами первых смертей и мелкими оврагами администрирования – такая же жизнь, как и всё остальное. Больница – это дом. Семья. Со своей главой – плохой, хорошей или никакой. Монастырь со своим укладом и матерью-настоятельницей. Больница – это церковь всех религий. Суеверие и отсутствие суетности. Вера, насквозь пронзившая заядлых атеистов. Конюшня со своими денниками, из которых надо убирать навоз. Офис со своими сплетнями, интригами и борьбой за власть. Богадельня и приют. Храм. Цирк и обитель скорби. Стройка и колхоз,

трансформаторная будка и многие километры труб. Фабрика-кухня и прачечная. Министерство культуры и военно-полевой штаб.

Офис-менеджер, подсевшая младшего менеджера по продажам, вызовет восторг глянцевого журнала, и восхитится юная поросль её деловыми качествами. Никто и не спросит, сколько договоров не ушло вовремя по нужному адресу, потому что кому они нужны, по большому счёту, эти договора, счета-фактуры, сорванные сроки на поставку силиконовых членов. Поэтому не выглядит офисное предательство предательством и не является им на самом деле. Свины играют в метание бисера, добродушно улыбаясь друг другу в курилках, справляясь о делах на любовном фронте и попутно изучая твои слабости, чтобы воткнуть свой электронный нож в наиболее уязвимое место.

Врачи могут искренне ненавидеть друг друга. «Какой, блин, ты мудака! Мудаком ты был – мудаком и остался! Чтоб ты уже сдох, придурок корявый!» – орёт глубокоуважаемый Игорь Анатольевич не менее глубокоуважаемому Петру Александровичу. «Да Игорь же ни фиги не умеет, кроме дешёвых понтов. Копни поглубже – пфуй! Пшик! Ноль без палочки!» – попивая коньячок с акушеркой, спокойно сплетничает глубокоуважаемый Пётр Александрович о не менее глубокоуважаемом Игоре Анатольевиче. «Ой, Вовка-то опять из дому удрал к любовнику – мне Тамара звонила, плакала!» – доверительно шепчет тебе коротышка-начмед, ещё две минуты назад оравшая на тебя на утренней врачебной конференции так, что, казалось, стёкла лопнут. А шепчет не о ком-нибудь, а о Владимире Ивановиче – заведующем отделением патологии беременности, прекрасном хирурге и удивительном человеке. Тебе, в общем-то, всё равно, кто, кого и куда любит. Но ты уже в курсе всего с самого начала. «Ой, Светка – потрясающий хирург и такая же потрясающая неряха! И вечно альфонсов себе каких-то находит, хотя в молодости её трахал кто-то из министерства – она и место это через койку получила – вернее, не это, но какая разница!» – удивительно нежным тенором, жестикулируя огромными, но изящными руками, воркует тебе заведующий отделением патологии беременности, прекрасный хирург и удивительный человек Вовка о Светлане Петровне.

Ты узнаешь много нового о них и с не меньшим удивлением – о себе. И у тебя уже есть список достоинств и недостатков. И в твой кондуит уже записаны все твои половые связи – реальные и выдуманные. И о тебе уже орут, шепчут и воркуют на этажах, в родзалах и кабинетах. И ты – орёшь, шепчешь, воркуешь, негодуешь и смеёшься. Злишься и плачешь. Радуетесь неожиданному перекуру, когда ночь рождает день и ему не надо говорить: «Тужься!» А куришь ты не одна, а с анестезиологом. Вы хохочете и хлопаете друг друга по плечам, хотя не очень-то симпатизируете друг другу. Но буквально только что – полчаса назад – вы спасли Жизнь. Вернее, уговорили Смерть не торопиться. Убедили её в том, что вызов – ложный и даже заплатили неустойку. Кусочком своей Жизни. Своих жизней. И так глупы и мелки становятся ваши сиюминутные дразги, ваши гневные обвинения на пятиминутках в адрес друг друга. Нет, настанет утро, и всё повторится. И Светлана Петровна снова и снова будет обсуждать с тобой профессоршу, с которой нежно целовалась пять минут назад. И снова Игорь Анатольевич сцепится с Петром Александровичем. Но как только из родзала раздастся призывный вопль: «Петя!!!» – Петя прибежит, и проконсультирует, и поможет, и сделает. Но как только из операционной проскрипит начмед: «Владимир Иванович!» – принесётся Вовка, и помоеется, и найдёт, и ушьёт. Потому что это не насквозь фальшивая корпоративная этика и не страх не подчиниться начальству и потерять место, потому что Петя Игорю не начальство, а такого специалиста, как Вовка, с руками оторвут. Это та самая единая и неделимая частица нас, где нет места вражде и предательству, мести и злобе. Это не работа «в команде» – это обычная больничная жизнь. И будете вы пить кофе, и начмед скажет: «Кури, к чёртовой матери, у меня в кабинете!» И будете вы вспоминать былое и думать. Думать о том, чего не постичь ментально, что ускользает, вильнув хвостом. А потом, со временем, и думать перестанете. Просто будете знать, что добро и зло – суть одно, рождение и умирание – суть одно, детство и старость – суть

одно, женщина и мужчина – суть одно. А все сплетни, дразги, ругань – совсем другое. Почти никому, исключая военных и спасателей, не знакомо такое чувство единения и Единства. Хотя и богохульничают они, и посты не соблюдают, и не... Хотя постойте! Врачи чтут юродивых, старых, сирых и убогих покруче церковных. Чтут домовых, поездных и подвальных посильнее язычников и друидов. Врачи чтут то Великое Одно, испытывая откровение Единения куда чаще прочих.

А так-то – всё как у всех. Быт. Отношения. Особенности. Специфика. Добро и зло.

«– Ты кто?»

– Я часть той силы...»

* * *

Итак, в те далёкие-далёкие времена, когда плазменные телевизионные панели водились только у диктаторов «банановых» республик, я стала врачом-интерном большой-пребольшой многопрофильной клинической больницы. Я всё ещё не хотела быть доктором, несмотря на красный диплом об окончании медицинского вуза. Но тем не менее, прихватив с собою О'Генри «Короли и капуста», явилась на первое дежурство к месту распределения. А местом этим был физиологический родзал.

Я была невозмутима, как сфинкс. Не так далеко ушедшие от меня «старшие» товарищи – то есть те, кто уже год-два как окончил интернатуру и писал истории родов и журналы операционных протоколов за оперирующими хирургами на законных основаниях, успокоили меня: «Никому ты тут не нужна, потому что и нас, грамотных и опытных, достаточно!»

«Как бананов в Анчурии?» – спрашивала я тех, с кем ещё вчера курила под кафедрой физвоспитания. Они в ответ лишь презрительно-сертифицированно фыркали.

Поняв, что никто не оценит моего изысканного юмора и что, как я и предполагала, наличие сертификата врача акушера-гинеколога творит с людьми что-то недоброе, я завалилась в дежурку читать о похождениях Кью и Оливарры-младшего.

Через полчаса туда заявила дежурная врач Елена Анатольевна, ещё три года назад отзывавшаяся на «Ленку» и умолявшая меня передать ей «по наследству» Стасика. Я, кстати, передала. Так что совершенно не ожидала от Ленки пламенного рыка:

– Интернам не место в дежурке! Интерны должны быть на посту!

– Лен, привет. Так в родзале же нет никого! – спокойно ответила я.

– Не «Лена», а Елена Анатольевна! – с невыразимым блаженством сказала она. Да. Реванш за то, что у них со Стасиком не «срослось», был взят красиво.

В те далёкие исторические времена я не была ещё такой зубасто-ироничной и всех ещё, глупая, жалела и проникалась пониманием и сочувствием. Поэтому я молча встала и понуро вышла, не забыв прихватить О'Генри с собой.

Оглядев пустынный коридор, я заметила два стола у стеночки и присела на стульчик, ощущая себя казанской сиротой, едущей в Москву «зайцем». Через полчаса откуда-то из потайных боковых дверей вынырнула толстая бабища и рявкнула:

– Вы кто?!

– Интерн, – боязливо проблеяла я.

– А-а-а, – разочарованно протянула тётка и исчезла в какой-то очередной из дверей. Которых, к слову сказать, направо и налево по коридору тянулось поболее, чем в «Алисе в Стране чудес». Через секунду вынырнув оттуда, она лениво проорала: «С книгой нельзя!» И снова пропала.

Я отнесла книгу в дежурку. Лена демонстративно прервала телефонный разговор и попросила меня удалиться, потому как, видите ли, обсуждает по телефону архиважные врачебные тайны.

Я вышла. Настроение было препаршивое. Пустынный коридор был на том же месте в том же виде. Ни Дронга, ни Белого Кролика не появлялось. Я вышла из родильного зала и спустилась на лифте в подвал. Покурить.

В несанкционированном курительном уголке топталась стайка густо накрашенных девиц: судя по разговорам – медсестёр детского отделения. Но тут раздался шум открывающегося лифта, и все добрые нянюшки прыснули, моментом затушив бычки в дырявой эмалированной кастрюле.

Я никогда не спасалась бегством. «Бегущий не в спортивном костюме вызывает подозрения», – говаривала в своё время моя великолепная бабушка. Я была в амуниции иного рода. Потому продолжила курить с невозмутимостью всё того же сфинкса. Полагаю, он был невозмутим, даже когда Наполеон непонятно зачем отстрелил ему нос. Ко мне приближался невысокого роста сухощавый мужчина поздне-средних лет. Он неспешно шёл, засунув руки в карманы распахнутого элегантного пальто, и что-то напевал себе под нос. Подойдя ко мне, он так же нараспев спросил:

– Кто тут у на-ас в столь поздний час столь нагло нарушает санэпидрежи-и-им? Ему мы спуску не дади-иим! – И, весело прищурившись, посмотрел на меня.

– Я вра-ач-интерн, и я не зна-а-ал, что тут – родзал, а не подв-а-ал! – неожиданно фальшивым фальцетом подхватила я.

Он рассмеялся и протянул мне руку:

– Пётр Александрович, заведующий физиологическим отделением. С кем имею честь?

– Татьяна! – пискнула я и затянулась.

– Не Татьяна, а – Татьяна... Как вас по батюшке?

– Юрьевна.

– Ну что ж, Татьяна Юрьевна, милости прошу со мной в родзал. Курить вредно, но, думаю, вы знакомы с этим фактом. Я с пониманием отношусь к человеческим страстям и порокам. К некоторым из них я, чего уж греха таить, и сам питаю нежную привязанность. Но если вас за этим занятием обнаружит Светлана Петровна – несдобровать. Ну-с, предупреждён – значит вооружён. Прощу!

Мы сели в лифт и поднялись на пятый этаж.

Он, нимало не смущаясь своего пальто и уличной обуви, прошёл к дверям, увенчанным табличкой «Заведующий родильно-операционным блоком». Открыл дверь своим ключом и жестом пригласил меня войти.

– Какими судьбами к нам?

– По распределению.

– А почему я вас раньше не видел?

– Я была на другой клинической базе. К вам переведена только сейчас.

– Понятно. На кесаревом ассистировала?

– Нет.

– Ну, когда-то надо начинать. Через полчаса операция. Пойдёшь первым ассистентом.

Под этот разговор он, нимало не смущаясь и не уточнив, не смущает ли сие обстоятельство меня, переоделся. Вначале аккуратно снял брюки, методично расположив их на перекладине вешалки. Затем так же неспешно расправил на плечиках рубашку. И уже затем спокойно надел пижаму и халат.

– Я думаю, ничем таким я вас не поразил? – спросил он, повернувшись ко мне.

– Нет. – А что я ещё должна была сказать?

– Вскоре у вас напрочь пропадёт половое дифференцирование там, где не надо, но ярко обострится именно тогда, когда это уместно! Я чувю в вас большой потенциал! – провещал мне Пётр Александрович и, вздохнув, медленно провёл ладонью у меня ниже спины.

Я отнюдь не была выпускницей Смольного института, и лет мне было больше шестнадцати. Так что с руки или с ноги заехать по морде, невзирая на должность, я была вполне способна. Но... Не было ничего похабного в этом, как могло показаться, обыденном пошлом мужском жесте. Это был жест искусствоведа, прикоснувшегося к неизвестному доселе наброску Моне. Ни трепета, ни вожделения. Оценка. Понимание. И удовольствие профессионала. Не более.

– Ну, раз вы всё правильно понимаете, – заявил мне заведующий, хитро глянув на меня, – тогда по пятьдесят грамм коньяка. Но не больше! – Произнеся это, Пётр Александрович достал из шкафа початую бутылку, два коньячных бокала и разлил две порции. Настолько одинаковые, что и Палата мер и весов не придралась бы.

В этот момент в дверь постучали, и, не дожидаясь разрешения войти, в кабинет ворвалась Елена Анатольевна. Демонстративно не обращая на меня внимания, она затараторила скороговоркой:

– Добрый вечер Пётр Александрович! Петрову уже подняли и готовят к операции. Я пошла мыться!

– Не надо, Елена Анатольевна. Отдыхайте. Я возьму с собой Татьяну Юрьевну.

– Но я тоже хочу! – обиженно сказала Лена. – К тому же вы сами говорили – сложный случай, третье вхождение в брюшную полость. – И надулась, как мышь на крупу.

– Потому, Леночка, и не надо в ране лишних рук. Спасибо тебе за усердие, но у тебя ещё дела есть. Сделай обход, запиши истории. Ну, и в родзале на подстраховке кто-то должен быть. Не оставлять же интерна!

– Но есть ответственный дежурный врач! – чуть не плача сказала Лена, с ненавистью визуализировав меня в пространстве.

– Ответственный дежурный врач отвечает за весь роддом и отделение гинекологии, а вы, Елена Анатольевна, отвечаете за физиологическое родильное отделение! – Пётр Александрович не повысил голоса, но в тоне зазвучал металл.

Лена вышла, и я поняла, что первое, чем сумела обзавестись на первом же дежурстве, – так это врагом.

Операционные блоки всех отделений похожи друг на друга, как люди всего мира. У белых, чёрных и жёлтых вариаций в норме две руки, две ноги, пара почек, одно сердце и одна голова. С некоторыми анатомо-функциональными особенностями. Поэтому я смело двинула в оперблок.

Весь институт я работала. Вначале санитаркой, а затем и операционной сестрой в отделении травматологии железнодорожной больницы. Так что ни разухабистые крики младшего медицинского персонала, ни хлопанье биксов и металлический стук не могли меня напугать.

Поздоровавшись и оглядевшись, я сняла халат и надела на пижаму полиэтиленовый фартук.

– В своей пижаме нельзя! – сквозь зубы процедила санитарка, недовольно глянув на меня.

«Ну, начинается местечковый снобизм», – подумала я и покорно спросила, какую пижаму из бикса можно взять.

– Любую. Только полосатую не бери – это Петра Александровича.

– Не «не бери», а «не берите»! Сколько можно учить! Вечно ты вначале из себя королеву Марго строишь, а потом перед ними же лебезишь. Ровнее нельзя? – раздался из-за спины приятный голос. Я оглянулась. На меня смотрел привлекательный брюнет. В необычайно красивых синих глазах прыгали чёртики. Натуральные миниатюрные чёртики, с рогами, хвостами

и вилами, какими их изображают карикатуристы. Он хорошо поставленным движением театрально потянулся и представился:

– Сергей Алексеевич. Для них. Для тебя – Серёжа. Почётный наркотизатор этого родового гнезда. А ты, полагаю, Татьяна?

– Юрьевна. Для всех! Какую пижаму можно взять? – рявкнула я на Сергея Алексеевича, внезапно обозлившись на весь мир.

– Да бери эту, полосатую.

Я не обратила внимания на мерзко захихикавших чёртиков.

Пижамы была с разрезом до пупа, а лифчиком я себя никогда не утомляла. Штаны заканчивались аккурат у меня под коленом и на заднице были украшены пёстрой квадратной латкой. Я была прекрасна, чего уж там. Особенно учитывая то обстоятельство, что ноги я не брила недели две.

Натянув на тапки бахилы, я обмотала себя целлофановым передником и, не спросив санитарки, подцепила из бикса бедуинский намордник. Хирургическую маску. Это такой многослойный марлевый квадрат примерно сорок на сорок сантиметров с прорезью для глаз. Укутывает голову напроц и делает похожим на мумию. Обмотав завязки на шее в два витка, я надела очки и отправилась наконец мыться, решив не обращать внимания ни на кого, что бы ни происходило. Молчать, как будто мне вырвали язык, и общаться только с Петром Александровичем.

В предбаннике операционной залиристо хохотала Елена Анатольевна в ответ на сальные шуточки Сергея Алексеевича. Я сосредоточенно тёрла руки мочалкой, щедро намыленной хозяйственным мылом, и в ответ на очередное санитаркино замечание не к месту и не по делу рявкнула, что два года скребла полы и ещё четыре отстояла операционной медсестрой в ургентной⁶ операционной травматологического отделения, в связи с чем она может идти к чёрту. Вода из кранов текла ледяная, а как же. Руки стали ярко-красными, и мне очень захотелось пореветь. Все были недружелюбны, а что меня ждало дальше – я не знала. Я тогда ещё не совсем понимала, что самое прекрасное в этом мире – неведомое. Я была маленькой, несмотря на возраст и рост. И глупой, несмотря на опыт и дипломы. Потому что страдала максимализмом. А чтобы научиться максимализмом наслаждаться, нужны время и хорошие учителя. Я ещё и не подозревала, что жизнь щедро подкинет мне и то и другое.

Напевая, зашёл Пётр Александрович. Отдал какие-то распоряжения персоналу, успокоил беременную девочку парой слов. Но и этой пары слов хватило, чтобы ужас, плескавшийся в её глазах, сменился томным женским взглядом и кокетливой улыбкой. Женщина – всегда женщина. Даже с огромным животом в предбаннике операционной. Если рядом, конечно, есть мужчина. Пётр Александрович был мужчиной. Девочку увели в операционную, а заведующий посмотрел на мой прикид и спросил:

– Ну и зачем ты надела мою пижаму?

– Я спрашивала, что мне надеть. Анестезиолог сказал – эту.

– А, Серёжины шутки. Ну ладно. Что теперь делать-то, не раздевать же тебя. К тому же в роддоме поверье – кто эту пижаму наденет, а я не потребую снять, будет классным хирургом. И доцентом быстро-быстро. Помимо всего прочего. Тем более ты уже и руки помыла. Кстати, чего холодной водой моешь? Гала!!! Ты почему доктору тёплой водой не полила?

– Она меня на три буквы послала.

– И правильно сделала. Я тебя туда же пошлю. Только вначале Татьяне Юрьевне польёшь и мне. Тёплой водой.

Он говорил абсолютно спокойно. И вокруг все тоже успокаивались. Исчезали нервозность и неловкость. Он был в своей стихии. В буквальном смысле – «своей». Он ею повеле-

⁶ Ургентная помощь – неотложная помощь. Ургентная операционная – операционная, где оказывают неотложную помощь.

вал. Даже биксы стукали не так громко. Даже Сергей Алексеевич из дежурного остряка стал сосредоточенным анестезиологом. Елена Анатольевна ушла на этаж. А мы двинулись дальше – в недра операционного блока.

Слава богу, я работала во время учёбы. Чем выгодно отличалась от стайки таких же, как я, вчерашних студентов. Занятия на клинических базах не дают столь детального представления о работе операционного блока, как перманентное пребывание внутри. Каждая мелочь имеет значение. Последовательность действий. Как и где стоять. И даже как надевать хирургический халат и освоить премудрости завязывания тесёмок. Мелочи, из которых складывается любое ремесло.

Пётр Александрович, перешучиваясь с операционной медсестрой, неспешно облачился в хирургический халат, подождал, пока санитарка обслужит меня, и только затем подошёл к своей стороне стола. Мы обложили операционное поле бельём. Ни острым словом, ни удивлённым взглядом мне ни разу не дали понять, что я тут новичок. Он не исправлял, посмеиваясь, – он показывал чётко и точно то, что сам давно совершал на автомате. А это великое искусство – научить тому, что для тебя уже давно элементарно и записано на подкорке. Без криков и понуканий, без нарочитых демонстративных исправлений и обид. Кроме хирургического и акушерского мастерства, Пётр Александрович владел ещё одним искусством – он был Учителем.

Девочка ещё что-то пробормотала, а затем внутривенный вводный наркоз на некоторое время лишил её треволений.

– Можно работать! – серьёзным густым голосом сказал Сергей Алексеевич и...

И руки Петра Александровича исполнили великолепный танец длиной в сорок минут. Именно столько времени длилось первое кесарево сечение, в котором я имела честь принимать участие в качестве первого ассистента этого прекрасного хирурга. И дело тут совсем не во времени – он с лёгкостью выполнял эту операцию и за полчаса, в случае неосложнённого анамнеза,⁷ и за полтора – в случае интраоперационных сложностей.

Он был хирургом-универсалом. Начинал в ЦРБ, после спецклинординатуры работал в Индии и в Африке. Его учителей уже не было в живых. Таких операций, какие умел делать он, уже не проводили. Такого опыта, как у него, не было почти ни у кого в этом тесном-тесном акушерско-гинекологическом мире. Мне выпал джекпот.

За ним бегали многие интерны. Его в качестве учителя и лекаря добивались для своих отпрысков звонками из министерства. Как врач, он не отказывал никому. Поэтому как учитель был волен выбирать. Я провела рядом с ним два года, просто случайно оказавшись в нужном месте в нужное время. Случайно ли?.. И, кстати, он никогда не позволил себе ничего более плотского, чем то невинное поглаживание. Моне вкупе со всеми импрессионистами был не в его вкусе, он предпочитал Рубенса, как почти все сухощавые мужчины.

А сейчас я была заморожена действием. Непосредственно участвуя в нём, я в то же время наблюдала за ним и со стороны. Это было прекрасно. Премьера «Лебединого озера» лучшей труппы Большого – ничто по сравнению с тем изяществом отточенных движений, где ничего лишнего. Ничего большего, но и ни на йоту – меньшего.

– Кожа. Подкожка. Апоневроз остро. Мышцы – тупо. Брюшина. Дубликатура. Разрез на матке остро – два сантиметра. Тупо разводим до двенадцати. На четвёртой минуте. Зажим на пуповину. Перерезай! Живой, здоровый, доношенный, мужского пола. Послед. Кюретаж. В тело матки – окситоцин. Вводи. Выше. Гегар. Там не было раскрытия. Поменять перчатку. Хлоргексидин. Углы. Первый ряд. Второй. Не надо ревердена. Не приучайся к гадости. Перитонизация. Брюшина. Оставим дренаж. Я не люблю наглухо. Мышцы. Надя, не давай мне мышци-

⁷ Anamnesis (лат.) – буквально: история.

ных хвостов. Длинную. Апоневроз. Тут подкожной – тьфу. Косметика. Чего смотришь квадратными глазами? Дренаж и косметика? Я тебя прошу – чище будет. Повязка. Натяни. Ноги согнули – раз! Обработка влагалища. Катетер. Мочи – сто пятьдесят миллилитров, светлая. Кровапотеря – пятьсот миллилитров. Всем спасибо. Пошли писать протокол.

Это всё, что он сказал за операцию. Да и то – для меня. До извлечения плода он был сосредоточен. Позже – напевал. Ни одного лишнего движения. Никаких показушных и натуральных психозов, в которые так любят иногда впадать хирурги. Ни одного громкого слова. Забавный анекдот на этапе ушивания матки. Щипок за зад санитарки на закуску. Дружеский шарж в подарок.

– Никогда не тяни зеркало и крючки – просто держи. Не протирай в ране – это не пол, – промокай, не травмируй сосуды. Зажим на пуповину – примерно посередине. Обязательно кюретаж и посмотри, как сократилась матка. Не верь, не бойся, не проси! И не делай такое серьёзное лицо. Жизнь – забавная штука. Больница – цирк. Акушеры – клоуны. Эквилибристы. Эксцентрики. Жонглёры. Трудяги. Кстати, завтра утром плановая – пойдёшь со мной. Будешь шить. А пару дней спустя – и резать. Не моргай подобострастно и благодарно – поздно придуриваться. Ты поняла, в чём этот божественный прикол. Давай, дуй, покури – и с историей ко мне в кабинет.

Я было отправилась в подвал, но меня окликнул Сергей Алексеевич. Оказалось, что курить «категорически запрещено» ещё и на чердаке. Опять же у лифтов. Мы мило посмеялись. Кокетничал Серёжа ещё термоядернее, чем я. Мне он не очень понравился. «Кобель!» – подумала я, ещё не догадываясь, что на десять предстоящих лет мы связаны не только работой, но и крепкой дружбой.

– «Сука!» – восхищённо подумал я, – смеялся год спустя Серёжа, когда мы курили в изоляторе обсервационного отделения, празднуя новый год на рабочем месте.

В кабинете Пётр Александрович, налив ещё по пятьдесят, бегло рассказал мне, что, как и куда написать. Настолько бегло, что на следующее же утро я получила по самое «не могу» на утренней врачебной конференции, которую какой-то шутник в незапамятные времена назвал «пятиминуткой». «Пятиминутки» длились от двадцати минут до полутора-двух часов – по обстоятельствам. Я же была первым интерном, удостоившимся персонализированного выпада начмеда. Меня запомнили. А я, отстояв полтора часа в операционной после бессонной ночи, ещё до вечера писала текущее и переписывала предыдущее.

Потому что писать Пётр Александрович не умел и не любил. Этому меня научил другой человек.

Вся ночь прошла в родзале – две роженицы были переведены из отделения патологии беременности. И ещё три – поступили «с улицы». Так что в первую мою ночь я лицезрела явление на свет божий пяти младенцев, не считая «кесарского». Я вскрыла плодный пузырь под чутким руководством Петра Александровича. Раз пятнадцать выполнила внутреннее акушерское исследование. Ушила три шейки матки с разрывами на «девять», «двенадцать» и «три», выполнила эпизиотомию,⁸ зловеще хрустнув ножницами по бывшему рубцу. И узнала, что резаную рану промежности ушивать легче, чем рваную. Перезнакомилась с персоналом. Платонически влюбилась в прекрасного неонатолога и возненавидела противную писклявую нерастопленную лаборантку. Навсегда пропахла йодонатом, хлоргексидином и бог знает чем ещё. И получила целую гору историй родов, которые следовало подробно расписать, не упустив ничего важного.

⁸ Разрез промежности.

Мне несказанно повезло. В одном месте и в одно время собрались именно те, кто мне был нужен. У кого можно было научиться всему – было бы желание. Впрочем, чего ещё можно было ожидать от многопрофильной больницы. Умножьте Петра Александровича на хирургов, урологов, неонатологов, травматологов, урологов, невропатологов, терапевтов, реаниматологов, патанатомов, администраторов и юристов. Умножьте первую бессонную ночь на триста шестьдесят пять. А получившуюся сумму – ещё на десять лет. И вы получите обычный путь обычного врача обычной многопрофильной больницы.

Я стала предельно внимательной и беспредельно небрежной. Я стала верить даже в ритуалы вуду и не верить никому ни за какие коврижки. Я научилась контролировать не только написанное, но и сказанное. Я причастилась к таинствам жизни и обычных житейских дряг. Я смотрела в лицо чужой смерти и наблюдала множество рассветов, недоступных спящим в этот час. Я поняла, что между смешной «эзотерикой», великой «литературой» и обыденной «жизнью» нет никакой разницы. Я стала быстрой и мобильной. Я научилась скручивать вечность в секунду и раскручивать мгновение в последовательность действий. Но я осталась самой обыкновенной. Ругающейся матом и напевающей что-то из Моцарта в операционной. Непогрешимой и многогрешной. Несущей Свет и приносящей Тьму. Доброй и злой. Спокойной и нервной. Сытой и голодной. Обычным человеком. Таким, как вы. Таким, как я. Я спасала жизни. И губила их. Я пью кофе, чай и водку. Сок и воду. Люблю женщин и собак. Мужчин и котов. Или не люблю. Я более других осведомлена, что курить вредно. Я могу с биохимической, патофизиологической и даже патанатомической точностью рассказать вам, почему курить вредно и чем это грозит. И всё равно курю.

Я благодарна всему за всё. И первой ночи моей жизни. И буду благодарна последней. И даже тому, что я немногим более прочих клоун. Клоун, остающийся Белым, даже сняв белый халат.

P.S. А ещё врачу, кроме внимательности и небрежности, материализма и суеверия, веры и неверия, причастия к таинствам жизни и смерти, свойственны скорости реакций, как у пилотов истребителей или у офицеров спецподразделения по захвату секретных военных точек в глубоком тылу противника.

Так что мой вам совет: не просите у опытного хирурга ночью в тёмном переулке закурить.

Слава России!

Как-то ранним-ранним утром приходит на приём к моему приятелю-урологу дама. С жалобами на рези при мочеиспускании. «Мне вас, доктор, – говорит, – порекомендовали как кудесника, мага и волшебника. Сказывали, вы одними пассами всю боль заскорюзную снимаете. А у меня уже одна надежда, что на волшебство. Потому что все другие методы циститолечения, начиная от трёх килограмм фуразолидона, истолчённых в равной пропорции с ношпой, совместно с тоннами цефалоспоринов последнего поколения, уже испробованы».

Долго ли, коротко ли собирал он у неё анамнез – неизвестно, однако выяснил следующее. Половой партнёр сто лет уже как один и тот же. Пару лет лечилась от бесплодия. Полгода назад благополучно родила. До родов был легко купируемый транзиторный цистит.⁹ А сейчас уже мочи нет терпеть, выдавливая из себя по капле мочу.

Анализы всякие там, бакпосевы и т. д. и т. п. ничего сверхнеобычного не выявили. Ну немного более кустисто, чем в популяции, растёт условно-патогенная флора и фауна. Ну признаки воспалительного процесса, естественно. Ладно. Делают ей УЗИ. Не то чтобы, а так, на всякий случай уже. А там какая-то... палочка. Длиной сантиметров пятнадцать.

Приятель мой думу думает, а по ходу ведёт допросы с пристрастием на предмет анамнеза! Мол, покайся, тётка! Небось злостно занимаешься онанизмом?! А наружное отверстие мочеиспускательного канала у дамы дилатированное. Растянутое то бишь. Правда, такое иногда бывает по факту рождения. Но чаще, конечно, благоприобретенное. А пути благоприобретенный, я вам скажу, у любителей поковыряться во всяческих отверстиях своего организма не то что неисповедимы. А прямо-таки порой немыслимы. Шалунишки обычно скрывают, пока не припрёт. Но, полагаю, тётка не врала, ибо какой же это экстремалкой надо быть, чтобы старым ртутным градусником... Это уже за гранью фолы, доложу я вам, затейники мои ненаглядные. Причём фолы не только травматического, а сверхтоксичного!

Не раскололась мадам на допросах. Чистая душа. Зато вспомнила, что пару-тройку лет назад лечилась она от бесплодия в одном большом профильном санатории. Где сразу при поступлении ей градусник дали. Температуру измерить во влагалище. Уж дорогой ли она была так сильно утомлена, по жизни ли сонлива или на отопление помещения дров не пожалели – история умалчивает. Только тётка уснула на пару минут. А проснувшись, термометра не обнаружила.

Ох уж санитарка на неё кричала, мол, «ходят тут всякие», а потом градусники пропадают! И три рубля взыскала за порчу имущества. На том дело и закончилось. Списали на полтергейст и прочую мистику, на манер импичмента и внесения изменений в Конституцию. Списать-то списали, да он, гад такой, не списался!

Приятель мой, врач-уролог, инородное токсичное тело из тётушки удалил. Эндоскопически не рискнул – пошёл путём надлобкового внебрюшинного сечения. Градусник в берлоге мочевого пузыря уже мхом слегка порос, но держался бодрячком. Тётку ни разу не подвёл – не разбился, не треснул и температуру исправно показывал. А ведь и роды пережил с хозяйкой своей. И всего-то три рубля, а не скажешь.

Хорошие всё-таки стеклодувы у нас. Слава России!

А что у них в урологии как-то поздним-поздним вечером было – но уже с мужиком, – я вам дальше расскажу.

⁹ Быстро проходящее воспаление слизистой оболочки мочевого пузыря.

Циркумцизио

Как вы уже знаете, в те времена, когда в ночь на Рождество ещё умели верить в чудеса, Скруджу Макдаку было не избежать раскаяния, а «дедушка-кощей» Андерсен неутомимо отправлял маленьких девочек прогуляться босиком по морозу в пижаме из крапивы, я работала акушером-гинекологом в одной чудесной больнице. Настолько многопрофильной, что «чудеса» здесь считались делом обычным и незамысловатым. Как, впрочем, и в любом другом столь же масштабном лечебном учреждении.

И был вечер накануне Рождества.

И было слякотно.

У заведующего урологическим отделением был день рождения.

И мы не пили...

Мы – это конкретно я и Олег – дежурant урологического отделения.

А они (все остальные) пили!

Ибо за столом были представлены почти все дружественные смежные специальности. А в те чудесные времена ещё закрывали глаза на подобного рода празднования в узком кругу. Алкоголь и прочая водка рекой лились в широкие лужёные глотки узких специалистов. Всем было хорошо. И только начмед по хирургии следил в оба глаза – чтобы не всем. Потому что всем – это всем, кроме действующих дежурantов. Следил-следил, следил-следил, пока эти оба не залил по самую миопию.

Мы – те самые действующие дежурantы – ждали первой звезды или хотя бы отъезда начмеда. Хотя очень хотелось не ждать. Но, памятуя о том, что наш народ очень любит ночные праздники, были, как обычно, в полной боевой готовности. Дамы на сносях обычно бабахнут рюмку коньяку, дадут мужу нехилый ломоть половой жизни – и ну давай рожать! Я уже не говорю об «эпидемиях» почечных колик на фоне обильных возлияний и комбинированных травмах паренхиматозных¹⁰ органов на почве выяснения извечного вопроса: «Ты меня уважаешь?!» Но если травмы ещё можно хирургам перебросить, то колики и задержки мочи – святое для каждого уролога.

Я, значит, не тороплюсь. А Олег как с цепи сорвался – раз! – рюмку. Бабах – другую!

– Эй! – говорю ему тихо и как ущипну под столом. – До первой звезды нельзя! А вдруг ножевое в почку привезут, а ты посмотри на нашего сосудистого!

А он мне развязно так:

– Звезду Суворову Александру Васильевичу! – Это такая в древние времена наскальная реклама была.

Ну, думаю, пошла вода в кубрик – пора сматываться в роддом. Хотя акушерка не звонит и биппер не пищит... Только ногу задрала, чтобы драпнуть, а Олег как брякнет:

– Караим Антинохьевич! А Танька свалить собирается! А между тем вы у неё уже в бальную книжечку, я слышал, записаны!

Ну, думаю, сука! Ты у меня ещё попляшешь! Будешь мне в следующий раз полчаса раком у почечного лотка стоять – пока я тебе всю бальную книжечку не прочитаю!

Караим Антинохьевич был светилом из светил отечественной и международной урологической школы. Редактировал отдел Большой медицинской энциклопедии по профилю, и всё такое. Хирург от Бога, диагност от папы римского и т. д. В общем, Клиницист с самой большой буквы, к тому же в ореоле легенд от весьма непростой судьбы. И, как все подобного рода

¹⁰ Паренхиматозные («тканевые») органы – печень, селезёнка, почки.

образчики, был весьма равнодушен к прекрасному. Особенно если это прекрасное имело минимальный коэффициент интеллекта и могло рот открывать не только для того, чтобы глупо хихикать, а ещё и... а вот и не то, что вы подумали. А для того, чтобы о «Меховом завтраке» или «Алжирской женщине» поговорить. Хотя то, о чём вы подумали, со слов некоторых дам, тоже приветствовалось.

Я же на сюрреалистах и импрессионистах ещё со времён патанатомии собаку съела и кошкой закусила, которая перед этим мышку проглотила! А Караим Антинохьевич мужчина был требовательный и директивный. И уж коли он жаждал бесед – то вынь и положь! И здоровый, как пад... в смысле, как Пабло Пикассо году эдак в 1950-м. Тому в онный год, дай бог памяти, шестьдесят девять было. А помер в 1973 году от рождества Христова – то есть в возрасте девяноста двух лет...

Короче. Хапнул меня Пабло Антинохьевич за ручку – и давай беседы беседовать. А Олег с другой стороны за локоток взялся, но, чую, больше для того, чтобы на стуле удержаться...

Но тут в помещение буфета урологического отделения вносится взлохмаченная санитарка и, думая, что никто не замечает, что она уже тоже того – со слегка сдвинутой точкой сборки, весьма, как ей кажется, серьёзно изрекает:

– Иваныч! Срочно в приёмное, потому что там какая-то хрень! Я сказала, чтобы у телефона обождали, а они трубку бросили, суки!

Я чую – вот мой шанс.

– Пошли, Олег Иваныч, – говорю – я тебя провожу к месту событий и пойду обход, что ли, обойду. А потом ещё наколядуемся, если что.

Олег, моментально профессионально исполнившись чувством долга, в жалкой попытке осознать своё тело в пространстве становится в позу Ромберга, при этом глупо хихикая. Ну и что – он вообще парень весёлый. «Пронесло, – думаю. – Сейчас-то я ноги и сделаю!»

Но тут оживает Караим Антинохьевич, который ещё, вишь, не до конца рассказал мне свою концепцию видения «Поля маков в Аржантё», а также высказал не все соображения на предмет отношений между Моне и падчерицей.

– Многоуважаемая публика! – встаёт и говорит густым баритоном. – Пейте и закусывайте, как раньше. А я с ребятами в приёмное спущусь – тряхну стариной. Вдохну этот запах – не всё же по академическим джунглям прятаться. Пора вспомнить, каково оно там, на воле, в пампасах.

Олег, смотрю, от этого аж протрезвел похлеще, чем под душем Шарко.

– Что вы, что вы, – говорит, – Караим Антинохьевич! Вы – и вдруг в нашем уютном, открытом всем ветрам приёме. Да там, может, поножовщина какая. Или в борщ кто кому награл – мало ли! Вы! Такая величина! И вдруг!..

Бесполезно! Светило уже вошло над толпой смердов. Поэтому, бросив на Олега гневный взгляд, Караим изрёк:

– И Татьяну с собой возьмём. – А как же! С кем ещё о мастерах цвета беседу добеседовать! – Пусть её будет. Может, чему дельному научится, чтобы, если что – не опозорила белый халат, как ты, отрок неразумный, с родами. – История-то, надо сказать, по всей больнице давным-давно разнеслась. – Я, – продолжает академик, – когда-то, ещё при Сталине, какому-то аппаратовскому доберману камни из почек удалял. Под страхом, которого тебе, щенок, не понять! Так что айда, дети мои, в приём – уши всем подряд купировать!

Смотрю – тут так просто не слиняешь: Караима понесло. Ладно, думаю, – авось он протрезвеет по дороге или же мне из роддома позвонят.

Едем в лифте. Олег надувает щёки. А я делаю заинтересованное лицо. Хотя мне, если честно, что «Поля маков в Аржантё», что «Поля маков в ложбине у Живерни», что «Лондон-

ский парламент», всё одно – Моне. Вы, если бы так хорошо разбирались в импрессионистах, как я – тоже бы любого в погонах уделали.

Прибыли, значит. А докторица приёмного уже аккурат как с картины того же Пабло сошла – «Женщина в кресле», видали? И хохочет!

– Олег, – шепчу, – чего это с ней?! Ну выпила. Ну с кем не бывает! Чего же хохотать-то так в лицо! Видит же – Караим тут. Не верит? Думает, *delirium tremens* за ней пришёл?

– Я, – отвечает мне этот гадёныш, дружок мой разлюбезный, – вообще плохо вижу, потому что очки забыл в ординаторской! Я вижу только набросок «Авиньонских девиц»! – И всхлипнул.

А Караим Антинохьевич ручку дежурной приёма поцеловал, улыбнулся и говорит зычным голосом:

– Ну, что нас так развеселило, душа моя! Показывай этих проказников! Что у нас? Ножевое? Колика? Задержка? Ещё какая ургентность развесёлая?! – И прям ножкой, как застоявшийся жеребец, бьёт и ушами прядёт – воздухом приёма надышался, что ли, старый чемодан!

А у меня настроение уже ни к чёрту. Примерно как у «Любительницы абсента».

«Как же, – думаю, – отсюда благовидно смыться?» Наивная. Я ещё и не предполагала, ЧТО меня ждёт «На железной дороге».

Да. В этом месте вы должны простить мне резкий переход к русским художникам-передвижникам. Потому что в смотровой приёма нас ждали два персонажа, сошедшие аккурат с данной картины Василия Григорьевича Перова. Ну приодеты, может быть, и получше. В смысле – посовременнее, а типажи – те же! Хотел, Караимушка, в народ? Получай народ прямо от боженки с ладошки!

И молвил один из народа: «Б...я... Не, ну надо же!.. Нах... Доктор! Еппона мама!» Зело принявши, руками машет, рассказывать порывается. Но чувствуется, что человеку от всей души весело – на смех срывается. До истерики местами!

Другой сидит без штанов – стесняется. Одной рукой причинное место, в тряпицы обмотанное, зажал. А второй по воздуху водит – то пальцем погрозит, то крикнет и отмахнётся от кого-то невидимого. Мол, вот такая вот херовина вышла. Штозаваюматьсамнепойму! А Караим-то наш не орёт, глазами не сверкает, а любезно так говорит:

– Пойди отблройся, падла, и приходи!

Вы не подумайте. Это он Олегу. А мужику, тому, что с тряпицами, ласково так:

– Что случилось, милейший?

Тот молчит, ёжится. Пациентом себя чувствует.

Второй за него:

– Ну, дык... Мы ж, б...я... того. Ну, это! Ну, чтоб!.. А оно... Вот!

– Что вот? – Голос Караима уже струится, как тончайший шелк.

И вдруг тот, что с тряпицами, басом таким гнусавым:

– Доктор, а выпить можно? Вы чё не подумайте... Я того... В нерв весь ушёл. Аж запирает! А?.. – и смотрит.

Караим Антинохьевич ещё раз удивил меня в тот вечер под Рождество. Как говорят, жил дольше, видел больше. Медсестре смотровой говорит так спокойно:

– Принеси-ка, душенька, три стакана. Нет. Два. Тебе, я так понимаю, – и смотрит на этого «констриктора», – грозит оперативное вмешательство.

– Чего? – спрашивает мужичок, съезживаясь.

– Операция. И срочная, – объясняет Караим. – Хотя если это то, что я предполагаю, – сойдёт и местная анестезия. – И вновь обращаясь к сестре: – Всё-таки три, голубушка, стакана тащи. И шустро!

Выпил Караим Антинохьевич с мужиками. И подельник – тот, что всё веселился, – наконец-то обрёл дар более-менее связной речи и рассказал Караиму буквально следующее:

– Ну, выпили мы с кумом. С бабами, понятно, поругались. Им – то-сё, пятое-десятое – тока бы глотки драть. Праздник же святой! Понимать надо. Дуры – одно слово! В общем, потом ко мне пошли – в сарае там было у меня немного. Выпили ещё, посидели, он мне и говорит: знаешь, мол, когда и почему баба хвостом крутит? «Отож, – говорю. – Оттого и крутит, что с хвостом. Все они бесоватые!» А он мне: «Дурак ты! Я, мол, не про то шас. Я про то, что до одного места ей те дрова давным-давно и чердак худой. А вот место то самое чешется... Вот я об чём!» И вдруг в рёв – прям как запойный. Наземь плюхнулся, орёт: «Не могу больше! Ой, не могу!» Я чуть прям не протрезвел с непоняток. И бросать боязно – не повесился бы. А то у нас в том годе, помню... Да и хер с ним! Тот вовсе шибанутый был. А кум-то мой – мужик. За ним отродясь дурости такой не водилось. В общем, он блажит, а я как обухом по голове. И тут, бац! Дошло до меня! «Ты что ж, – говорю, – курва, мать твою так перетак! Бабу, что ль, обходить не смог?» А тот пуще в рёв – думал, шас вся деревня сбежится. Насилу угомонил.

В общем, сидим, допиваем. А я про себя: «Беда-а. Ой, беда. Как бы не повесился всё-таки». Тут он мне и говорит: «Чёта у меня там не того... этого». «Чё – говорю, – у тебя не тово-ентова?» Он: так, мол, и так. А у меня прям как гора с плеч. «Дурень, – говорю, – что ж ты сразу-то не сказал! Это ж – не беда! Плёвое дело – проще пареной репы!»

А как вышло – меня в прошлом годе в ЦРБ возили – такая же херня была. Врач говорил, не помню. Не то «навоз», не то «абрикос», что-то сельскохозяйственное у меня было. Вот прям аккуратно как и с кумом стряслось. Так там делов оказалось на пять сек – шкуру оттянули да и оттяпали кусок. В палату хотели положить, а я утёк. Знаю – потом деньги давай за то за сё. На мне и так всё как на собаке...

Короче, мы ещё по «наркомовской» накатили, да глоточек оставили – чтоб топорик, значит, протереть...»

– Ясно! – неожиданно резко и громогласно прервал его Караим. – Клиническая ситуация налицо! Любушка, вы всё приготовили?

– Да, Караим Антинохьевич! Операционная сестра уже помылась. Всё готово.

– Пройдёмте, дамы и господа. Приоденьте коллегу, – говорит Караим санитарке, кивая на «подельника». Тот аж икнул со страху. Санитарка уже рот было открыла: «Не положено!!!» – им же до одного места, академик ты пятнадцати академий или хрен с баштана. Но докторша приёмного строго так ей бровками – мол, не выёживайся, а исполняй. И все действующие лица двинулись в «предбанник» ургентной операционной.

– Как вы уже, наверное, догадались, Татьяна Юрьевна, у нашего пациента случился банальнейший... кто?

– Фимоз, – вздохнув, послушно отвечаю я.

– Не этот ли «сельскохозяйственный» продукт вы имели в виду, коллега? – продолжает как с подмостков вещать Караим, обращаясь к подельнику потерпевшего.

– Он. Точно он. Вот и доктор мне тогда...

– Понятно, понятно. – И вновь обращаясь ко мне: – Не просветите ли вы, Татьяна Юрьевна, глубокоуважаемого коллегу, приехавшего к нам из дальних... э-э... стран, на предмет сего типично «сельскохозяйственного» случая?

За моей спиной давилась от смеха до пузырей на лбу докторша. Мне же по роли, ответственной великим «искусствоведом», приличествовало дать серьёзный, развёрнутый ответ.

– Сужение крайней плоти полового члена. Фимоз у взрослого мужчины возникает при хроническом воспалении кожи головки полового члена и крайней плоти – баланопостите. Причиной фимоза могут быть склероз кожи крайней плоти, злокачественные новообразования головки полового члена и крайней плоти, инородные тела, всякие неспецифические и специфические инфекции. Например, сифилис.

– Умница, голубушка.

«Ага, и чаще всего встречается в далёких сельскохозяйственных странах!» – чуть не залепила я под конец. Еле сдержалась, чтобы не выскочить из роли.

– И что же, душа моя, у нашего пациента было не «таво-ентова», что он ханку жрал и другу в ноги кидался, на бабу свою жалуясь? – продолжал млеть в своей ипостаси Караим. – Хотя, должен сказать, претензии её были совершенно обоснованны, ибо, если ты мужчина – изволь соответствовать! – добавил семидесятилетний академик, горделиво расправив плечи. Должна сказать, дай бог вам всем в его годы так выглядеть!

– Фимоз, – говорю, – Караим Антинохьевич, нарушает нормальную половую жизнь и даже делает порою её невозможной. Потому что возникают весьма болезненные проблемы с открытием головки полового члена, травмы кожи крайней плоти и уздечки во время эрекции и при половом акте.

– Ой, полярная лисичка, какие проблемы! – вдруг подаёт реплику уже приодетый в бахилы и хирургический халат кум-«оператор». – Извиняюсь.

– А ведь совершенно верно говорите, коллега! – отвечает Караим, значительно поднимая указательный палец вверх.

«Ну, цирк!» – проносится у меня в голове.

– И каково же лечение подобных форм фимоза у взрослых мужчин, Татьяна Юрьевна?! – тоном, ни на секунду не позволяющим заподозрить в ёрничанье, продолжает Караим, предупредительно открывая передо мной двери в оперблок.

– Только оперативное! – наигранно вздыхаю я, оглядываясь в поисках Олега.

– Именно! – И тут же: – Мойтесь, голубушка!

– Я?! – «Цирк уехал – клоуны остались!» – Караим Антинохьевич, мне же в роддом, и к тому же Олег...

– Ничего не случится в вашем роддоме за час. Там ещё дежурянт есть. А если что – из гинекологии бездельников вызовут. А Олег, как и его милейший отец Иван, хотя и прекрасный хирург, но алкогольдегидрогеназы¹¹ в организме – кот заплакал. Это у них наследственное. Так что – сама понимаешь...

«Ну Олег, ну удружил! – думаю. – Ладно, что делать-то. В травме я уже ассистировала, так что... Не прикажешь же солнцу закатиться в неурочный час... Подержу, пожалуй, крючок академику».

А академик-то между тем ещё успел огненной воды себе и «коллеге» плеснуть.

– Караим Антинохьевич, – говорю, – только вам там несколько неудобно будет, потому что у этого стола давным-давно все гайки и болты из строя вышли и он под ваш рост не регулируется.

– А зачем мне, радость моя, его регулировать? С такой операцией вы, Татьяна Юрьевна, вполне справитесь самостоятельно при помощи операционной сестры.

«Ну всё! Приехали! У Караима рождественский маразм!» – только и успела подумать я.

– И не волнуйтесь, мы с коллегой будем рядом и всё вам расскажем. – И подталкивает офигевшего в дупель мужика в операционную, куда санитарки уже увели его дружка со слегка подпорченным «хозяйством». – К тому же поверьте старому волку – кесарево сечение куда как более сложная операция. А циркумцизио, по большому счёту, и операцией не назовёшь. Скорее манипуляцией! Хотя!.. Знаете ли вы, коллега, – продолжил он, обращаясь к «куму», – что сказал ещё в 1911 году американский хирург Кистлер по поводу обрезания?

– По поводу чего?..

– Да вот как раз того самого «ентова». А вы, Татьяна Юрьевна, тоже не знаете?

¹¹ Фермент, расщепляющий алкоголь.

– Нет, Караим Антинохьевич! Не знаю! Я пиписки совершенно иной конструкции в интернатуре и клиноординатуре изучала!

– Настоящий врач, голубушка, должен быть энциклопедически образован! И у вас для этого есть все предпосылки! Интеллект, талант, мастерство, молодость, красота, ноги... Последнее, впрочем, из несколько иной оперы, но не помешает. Считайте это бонусом. Так вот... – Выдерживает мхатовскую паузу и хорошо поставленным голосом продолжает, обращаясь ко всем находящимся в операционной: – А сказал Кистлер буквально следующее: «Циркумцизио – одна из наиболее часто выполняемых малых операций, которая иногда делается хирургами походя, без особого внимания к ней, из-за кажущейся простоты. Однако многие хирурги часто теряют своих лучших клиентов, если эта операция заканчивается неудачно!» Поэтому сейчас мы будем делать такое циркумцизио, кхм, вернее – доделывать, – Караим укоризненно посмотрел на мужика, которому, судя по всему, было, мягко говоря, не по себе, – что вашему другу, любезнейший, нигде не стыдно будет продемонстрировать результаты нашей работы!

Картина маслом – двое «коллег», в нестерильной зоне, примостились у подоконника... Консилиум, блин! Нет! Такого у импрессионистов точно нет – можно даже не искать.

В это время в оперблок забегает взъерошенный Олег, смотрит на обложенное уже медсестрой операционное поле, нервно сглатывает и убегает. Вслед за ним деловито заходит анестезиолог. Почтительно кивает Караиму, видит меня и недоумённо вопрошает:

– А Олег Иванович говорил, что у нас урологическая операция.

– Урологическая, – подтверждаю я.

– А ты тут что делаешь?

– Подрабатываю на полставки! – рявкаю я. – Делай блокаду! Мне уже на мужика этого смотреть жалко!

– Подход не мальчика, но мужа! Я ни секунды не сомневался в вас, Татьяна! – изрекает Караим с подоконника.

И тут вдруг оживает пациент:

– Доктор! Я вас очень прошу! Сделайте, пожалуйста, чтоб было красиво! Баба у меня очень капризная!

– Да, – подтверждает «коллега». – Мы и приехали-то потому, что криво вышло. Я до соседа сбегал – у него «Газель», – в больницу, говорю, надо смотаться – и мухой назад! Там сейчас друбану подровняют чего надо – и назад к столу ещё успеем! И тебе поставим. Так что он нас на улице ждёт. Вы, доктор, побыстрее управьтесь, но чтоб ровно! А то его засмеют. Баба у него шибко языкатая – разнесёт, что твой Бобик-пустобрёх.

В общем, я уже не знаю, плакать мне или смеяться. Операционная сестра вся трясётся мелкой дрожью от хохота. А Караим продолжает в своём духе:

– А «криво», любезный, как вы изволили выразиться, вышло потому, что многие хирурги предпочитают, в отличие от вас, технику «двойного разреза». Смысл её в том, что наружный и внутренний листки крайней плоти надсекаются двумя отдельными циркулярными разрезами, а образовавшаяся между ними полоска ткани затем удаляется. Подобная методика, коллега, позволяет удалить ровно столько крайней плоти, сколько «закажет» пациент. Таким образом, головка полового члена будет после операции открыта либо полностью, либо частично. Осложнения после циркумцизио встречаются в опытных руках хирурга крайне редко. А вы, милейший, допустили ошибку начинающего – попытались одномоментно разрубить этот «гордиев узел», чего, конечно же, не допустит Татьяна Юрьевна!

– Не-е. Я узел не трогал – только шкуру. Он палец поставил – типа там дальше уже хозяйство. Точно вроде рубанул. А он как заорёт. Смотрю – кривовато чуток вышло, ну и вот...

Медсестра ржёт. Анестезиолог тоже. Я стою над этим самым «хозяйством» со скальпелем в руках. Олег-счастливчик блюёт где-то в недрах санкомнаты приёмного. А Караим Антинохевич на вершине блаженства. Что, как говорится, и требовалось доказать.

Дальнейшие полчаса были посвящены циркумцизио в Древнем Египте времён шестой династии фараонов. (Кстати, все фараоны были названы поимённо.) Циркумцизио в еврейской культуре, как олицетворению единства с Богом, следования Его заветам и принадлежности к избранному народу. Была зачитана Книга Бытия, Слава Яхве, не вся, а только отрывок, где говорится: «Каждый мужчина среди вас должен быть обрезан». Бытие 17 дробь 10. Мы узнали много нового о циркумцизио среди мусульман, африканских племён и индейцев Центральной Америки. О пользах и рисках. Об отдалённых последствиях и о том, почему у мусульман гораздо реже случается рак прямой кишки. Да-да. Караим в характерной для него манере и тут коснулся смежных специальностей, ибо «медицина едина и неделима, как цвета спектра, которые, лишь сливаясь, дают Свет».

Изредка прерывал он свои речи и, заглядывая через плечо операционной медсестры, изрекал: «Да», «Ага», «Здесь чуть выше», «Не надо Ревердена¹² – это тебе не матка», «Умница, моя девочка!», «Красоту в массы!».

Академик был галантным мужчиной – позже он самолично проводил меня до самого родильного дома неуютными подвалами и, ещё раз уточнив, точно ли я не хочу (правда, не уточнив – чего именно), отправился в главный корпус, зычно напевая «Любви все возрасты покорны, её порывы благотворны». Тексты нашего всего, положенные на музыку Петра Ильича, зычным эхом разносились по подвалу, пока я курила.

Поспать так и не удалось, потому как ближе к середине ночи потянулись дамы с тянущими, ноющими и схваткообразными болями в низу живота.

* * *

Всю пятиминутку начмед смотрела на меня, в предвкушении сверкая глазёнками. И в самом конце, не выдержав, объявила громогласно:

– И последнее! У нас ЧП! В связи с чем Татьяну Юрьевну в срочном порядке вызывает к себе начмед по хирургии! Доигрались вы в очередной раз, дорогая! Много себе позволяете и ещё больше о себе думаете! – Коллеги, заинтересованные запахом нового скандала, посмотрели на меня. – Да! Татьяна Юрьевна напилась и всю ночь шлялась по главному корпусу, превышая полномочия! Я думаю, что Алексей Гаврилович примет меры, и на сей раз я не буду вас выручать!

– А что, разве вы меня уже выручали? – елейным голосом спросила я.

– Все за работу!!! – заорала начмед по акушерству и гинекологии.

Поздоровавшись с невозмутимой, как сфинкс, секретаршей, я толкнула тяжелую дубовую дверь кабинета начмеда:

– Доброе утро, Алексей Гаврилович. Вызывали?

– Что вы, вашу мать, себе позволяете?! – выдохнул на меня перегаром начмед. – Просил же вчера не пить!

– Так я и не пила.

¹² Реверден – фамилия автора, предложившего вид хирургического шва.

– А за каким хером вас понесло оперировать урологическую патологию, если у них в отделении есть свой врач?! Это должностное нарушение. Нет! Это – должностное преступление!!! – заорал начмед и шандарахнул об стол журналом операционных протоколов ургентной операционной, где в графе «Хирург» гордо реяло моё ФИО.

«Ну Олег! Ну гад! Ещё и *post factum* удружил. Видимо, так и не пришёл в себя вчера. Ему-то что – он сын Ивана. А я, блядь, сирота! Мама – учитель. Папа – инженер...»

И тут распахивается дверь и, напевая на какой-то незатейливый мотивчик стихи «Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины?», входит Караим Антинохьевич. Первым делом целует мне ручку, заявляет, что я очаровательна (ага, а как же – после бессонной ночи и с растрёпанными волосами). Затем поворачивается к начмеду и говорит:

– Ты, Алёша, дороги Смоленщины, конечно, не помнишь. А вот отец твой покойный – помнил. И на красивых женщин варежку разевал, только чтобы обомлеть! Чего орёшь?! А-а, да я смотрю, протокол операции неверно записан? Ай-яй-яй! Как это я недоглядел, а операционную сестру бес попутал – это с ними частенько случается. Дай-ка я поближе гляну... Ну вот, конечно, я вижу – ошибка, – тычет пальцем в журнал Караим. – Кто у нас тут хирург? Я хирург! А Татьяну Юрьевну я трепетно умолял мне проассистировать, потому как Олег Иванович были несколько не в себе и сильно жаловались на осетрину, что к нам в буфет завезли на праздник. А что пациент удрал – так за ним дежурный доктор следить не обязан, а вот псы твои приёмные – как раз наоборот. Но, надо сказать, парни красиво ушли. На «Газели». Как мы с твоим отцом от фашистов. Ах, Алёшка! Давай сообрази лучше кофию с коньячком. Или даже лучше коньячку с кофием. На три, естественно, персоны.

Алексей Гаврилович обречённо машет ручкой и распоряжается секретарше в селектор. Тем временем Караим Антинохьевич снова обращается ко мне:

– А для вас, любезная барышня, у меня подарок. – И вручает мне толстый альбом репродукций... Клода Моне. Я, пытаюсь быть естественной, улыбаюсь, благодарю, открываю, а там – дарственная надпись:

«Прекрасной женщине, одной из лучших моих учениц и настоящему бойцу в память о совместном обрезании. С самыми искренними.
К.А.В.».

– Татьяна, двери моего кабинета открыты для вас в любое время. Не говоря уже о потайном лазе в моё сердце.

Слава богу, во время моих неловких расшаркиваний и смущённых благодарностей начмед вернулся в реальность и что-то там начал увлечённо рассказывать Караиму Антинохьевичу. Я быстренько ретировалась под благовидным предлогом, потому что хотела как можно быстрее домой, в ванную и спать.

Но так просто уснуть мне не удалось. Вначале позвонила утром ещё такая злобная, а сейчас приторно-мармеладная Светлана Петровна – начмед по акушерству и гинекологии – и заголосила в телефонную трубку:

– Нет, какая же ты умничка! Я никогда в тебе не сомневалась! Надо же... Сам Караим Антинохьевич...

– Да-да. Спасибо, – говорю. – Вы всегда так чутко... реагируете. – И положила трубку. Надо ли говорить, что ещё с полгода вся больница считала меня любовницей академика! Спустя ещё пару минут позвонил Олег и жалобно проныл:

– Мне так плохо, а Алексей Гаврилыч меня вдул по самое не балуй, а мужики удрали.

– Олег, отправляйся в ад! – сказала я и выдернула телефон из розетки. Едва прислонив голову к подушке, вдруг...

* * *

...очутилась в кафе на набережной Сены. За соседним столиком сидели Пабло и Сальвадор. И вдруг последний начинает реветь – как запойный. Наземь плюхнулся, орёт:

– Не могу больше! Ой, не могу, Паблуша! Чёта у меня там не того-ентаво...

– Чё ты не можешь-то? Галку окучить, что ли?! Говорю тебе, нельзя на русских бабах жениться!

– А это не я – она сама! – голосит Сальвадор.

– Ладно! Не голоси, пошли в мою мастерскую! У меня о прошлом годе такой же «абрикос» с Ольгой вышел. Да не ссы – там делов на пять сек – шкуру оттянуть да оттяпать кусок! Пошли! Да абсенту прихвати – нож протереть!

Проснувшись в холодном поту, я весь день листала альбом Куинджи! Ну его, этих импрессионистов и прочих кубистов. Куда как лучше реализм. Радуга. Море. Крым. Ночь. Степь. Одно плохо – зря они в биографической части альбома фото Архипа Ивановича, играющего в шахматы с Менделеевым, вставили. Так и кажется, сейчас один другому заголосит: «Не могу больше! Ой, не могу, Дмитрий! Чёта у меня там не того-ентаво...»

P.S. А помощь Караима Антинохевича мне действительно однажды очень пригодилась. Но та история совсем не походила на рождественскую сказку. Потому что было совсем не смешно и страшно.

Прикладная косметология

Если вы ещё помните, в те стародавние времена, когда газоны были зеленее, «мажорский» сахар ещё шумел камышом на острове Маврикий, а зубные щётки с моторчиком и чупа-чупсы ускоряли процесс ферментации лишь западной цивилизации, я работала акушером-гинекологом.

Но помимо этого я ещё и диссертацию писала. Вернее – диссертации. Докторскую, для начмеда, и себе – что останется. Да-да, друзья мои. Был в моей жизни этот постыдный эпизод. «Глубокоуважаемый председатель! Глубокоуважаемые члены специализированного учебного совета! Спасибо Иван Ивановичу за пятнадцать вопросов. И маме с папой за мир во всём мире!» и т. д.

Поэтому расскажу-ка я лучше о плаценте.

Плацента – это такой, не побоюсь перевода с мёртвых языков, блин. И этот блин выполняет, блин, массу функций.

Тема же моей кандидатской начиналась так: «Клинико-морфологические аспекты...» А дальше длинно и оно вам не надо. Но как раз для изучения этих самых морфологических аспектов мне и нужны были плаценты. Причём от дам с определённой вирусной инфекцией. Родовспоможение этим самым дамам под радостные фанфары вручили мне ещё до планирования кандидатской. Я представляла собою редкий для современной науки случай, когда диссертация творится на собственноручно наработанном материале, а не чужой материал подгоняется под кафедральную тему. Я занималась почти всеми беременными, роженицами и родильницами с «чёрной меткой», не считая, конечно, случаев с отягощённым финансовым анамнезом – этими занималась лично начмед. Но документацию и в этих редких случаях вела я.

Меня вызывали в любое время дня и ночи, потому что, когда чупа-чупсы с моторчиком жили только в Штатах, у нас никто не горел желанием помогать этим женщинам. Короткая и простая аббревиатура – ВИЧ – тогда ещё казалась зловещей. Но девочка я была умная, поэтому, ещё листая учебник микробиологии с ятями и фетами, поняла, что бытовой сифилис придумали те глубокоуважаемые члены, которые посещали в свободное от академических изысканий время широкодоступные публичные дома.

Договорившись с заведующим кафедрой патологической анатомии о совместной деятельности, читай, кроме докторской начмеду, ещё и аспиранту-теоретику кандидатскую, я с присущей мне решительностью приступила к сбору материала для исследования. Для этого мне были нужны:

1. Плацента от барышень с определённой инфекцией.
2. Ведро эмалированное.
3. Формалин.
4. Идиотизм.

Последнего было не занимать. Поэтому после каждого подобных родов я занимала санитарную комнату изолятора, где промывала и кромсала нужным мне образом эти самые блины. После чего, водрузив на культю пуповины бирку с датой и порядковым номером, опускала эти разделанные блины в ведро с раствором формалина и относила в подвал. Формалин я разбавляла на глаз. При опущении нового блина к сотоварищам я сливала прежний раствор и добавляла новый. Скажу вам честно – даже свеженькое всё это пахло, мягко скажем, неприятно. А уж через три недели...

Через три недели я решила взять первую порцию приготовленных блинов на кафедру патологической анатомии. Дело было как раз к Масленице. Там блины должны были покромсать тоньше нарезки салями, выдержать в спиртах восходящей к сомнительной плотности,

залить парафином и ещё раз настрогать... Далее – предметные стёкла, микроскоп, электронный микроскоп... Впрочем, к чему нам скучные методики? К тому же много позже я поняла, что такие ответственные умницы, как я, – истинный раритет. К примеру, в диссертации одного славного парня – великолепного проктолога – под видом прямой кишки при специфическом проктите гордо реяла фотка скана среднего уха из атласа гистологии Елисеева.

Романтического флёра моей исследовательской деятельности добавляло и то обстоятельство, что ко мне чрезвычайно тепло относился заведующий кафедрой патологической анатомии. Каждый мой приезд сопровождался чаепитием и разговорами об импрессионистах. «Ах, душа моя, я безумно, ну просто космически занят. Поэтому, пожалуйста, да-да, никогда не опаздывай, я тебя прошу!» А когда меня просят – я не опаздываю. Я не опаздываю, даже когда не просят. Поэтому профессора я ждала обычно подолгу. А дождавшись, пару часов вела околонаучные беседы о нелёгкой судьбе посвятивших себя поиску глубины цвета седьмого мазка кисточкой № 6.

И вот, с содроганием предвидя очередной диспут о семнадцатом способе мировосприятия, я настолько плотно перемотала эмалированное ведро скотчем, что оно изменило форму и стало похожим на чемодан, летящий чартерным рейсом в Уганду. Погрузила его в багажник своей выдавшей и не такие виды «Мазды», быстренько переделась и поехала.

Тут надо заметить, что гибэдэдэшники и прочие уполномоченные товарищи останавливают меня крайне редко. Езжу обычно трезвая, пристёгнутая, в указанном скоростном режиме. Даже если и навстречу по улице с односторонним движением – так не понту ради, а по службе.

И вдруг – нате, пожалуйста! А у меня же встреча и я уже выучила биографии всех импрессионистов. Ну и ведро...

Козырнул. Что-то там невнятно пробормотал на манер: «Бырым-бырым-бырым! Стрший инспр Брым! Предъявите документы!» Документы я всегда с собой ношу. Все. А у меня три гражданства в анамнезе, замужества-разводы, взлёты и падения. И на всё своя бумажка имеется. Поэтому, если что, я сразу – «ннА! – есть у меня такой документ!»

Предъявила. Сижу себе не рыпаюсь. Улыбаюсь. А он мне:

– Выйдите, пожалуйста, из машины!

Опаньки, что ещё за чёрт?

– Глубокоуважаемый Бырым, понимаете, я опаздываю!

– Все опаздывают, – философски так отвечает мне старший инспектор. – Выйдите, пожалуйста, из машины.

Я понимаю, что Бырыма на голых импрессионистов не взять. Выхожу.

– Откройте капот.

Наклоняюсь, дёргаю чего надо – вуалья, – вот вам, Бырым, мой капот. Что он там хотел увидеть? Номер двигателя? Уровень масла? Клеммы на аккумуляторе? А ситуация между тем весьма комичная. Стоит весь такой по форме и даже при кобуре, и я – вся такая фильдеперсовая в кожаном брючном костюме, с полной головой импрессионистов. И тупо пялимся в подкапотное пространство. Меня стало пробивать на «хи-хи». Человек я чувства юмора лишённый – могу в доме повешенного о верёвке пошутить, – возьми да ляпни Бырыму:

– Думаете, номер двигателя перебит?

Глянул он на меня серьёзно так, ротик куриной попкой сделал и говорит:

– Откройте багажник!

– Не надо, – говорю, – у меня там расчленёнка. И атлас импрессионистов с дарственной надписью: «Любимому патологоанатому от преданной ученицы на вечную память!» – и хихикаю, как будто невесть как сострила.

А Бырым расвирипел и как рявкнет:

– Откройте багажник!

– Хорошо-хорошо! Только вы не нервничайте, потому что у меня в аптечке только эластичный бинт, жгут и стакан. А валидола и респиратора нет. Так что дышите ритмичнее, но поверхностнее – я открываю. – И открыла.

Бырым носиком повёл, вздрогнул и, тыча дрожащим пальчиком в багажник, произнёс:

– Что это?!

– Ведро, – говорю, – эмалированное. Инвентарный номер 3457. Собственность наблюдательного отделения родильного дома.

– А что в ведре?

– Убиенные младенцы! – сделала я страшные глаза и улыбнулась. Но поглядев на него, срочно исправилась: – Материал для исследования!

После этой фразы он долго думал. Минут пять. Аж фуражку на затылок задвинул. Ну, их же учили понемногу «чему-нибудь и как-нибудь». Вот он и вспоминал чему и как. Вспомнил и выдаёт:

– Для перевозки биологических материалов должны быть оформлены соответствующие документы.

– Милый Бырым, вот вам удостоверение врача такой красивой большой белой больницы, вот разрешение на въезд в неё на автотранспортном средстве госномер такой-то – смотрите.

«Ага, съел?!» – думаю. Моя взяла! Бырым опять включил перезагрузку системы.

– А бумаги? – наконец законнектился с реальностью Бырым.

– Ну какие же ещё бумаги?! Вот у меня ещё загранпаспорт есть! Видите, там виза штатовская под номером «J1», то есть допуск на секретные объекты, работающие с биологическим оружием... – «Бля-я-я-я!» – сказал мне мой внутренний голос, но было поздно. Бырым стал багровым.

– Открывай ведро! – захрипел старший инспектор, перейдя на «ты». Потому что, видимо, подумал, что я шпионка, а враги Родины – они наши друзья и с ними завсегда надо на «ты».

– Дорогой Бырым, я бы открыла, но, боюсь, это не доставит вам удовольствия, кроме того, меня уже ждёт один старый перец с импрессионистами. А импрессионисты, батенька, это что-то на манер схемы массового ДТП, уж вы-то должны меня понять...

– Ведро!!! – резко задохнулся инспектор, и я чувую, что апоплексия уже не за горами дремучими.

– Ну, хорошо, милый. Жди! – А сама к правой двери машины подалась, дверку открыла и в бардачок...

А Бырым как заорёт: «Стоять!»

– Господи! Что ж ты орёшь! – чуть не уписавшись с перепугу, я тоже перешла на «ты».

А он по кобуре ручонками шарит, как будто я не знаю, что не бывает там у них никакого табельного оружия, кроме как «по сиренам». Кто ж знал, что сегодня как раз она. Так что пистолет он достал. А я тогда ему вальяжно, по-голливудски:

– Ты что, с глузду съехал, Бырым?!

– А зачем ты в бардачок полезла? – по-бабьи визгливо и обиженно пропищал старший инспектор.

– Перчатки взять. Смотри, – отклоняюсь и показываю, – видишь белый пакет? Читай, чё на ём написано: «Перчатки хирургические. Сайз седьмой». Хотя ещё и восьмой есть. Хочешь – надевай. Меня, честно говоря, не греет перспектива это ведро открывать. Потому что, парень, там плаценты. А они три недели в формалине. Воняют сильно, Христом Богом клянусь.

Бырым уже отошёл слегка. Кроме того, совместный стресс – он сблизает. Поэтому старший инспектор отёр пот со лба и спросил уже простым человеческим голосом:

– А на фига они тебе?

Ну, думаю, приехали. Объяснять простому русскому парню о тонкой связи между спиртами восходящей плотности, импрессионистами и ВАКом не было ни малейшего желания.

Вздохнув, я достала пачку сигарет, угостила Бырыма и говорю ему:

– Тебе одному, как на духу. Только между нами и ни-ни никому! Вот ты телевизор смотришь? Ага. Рекламу видал? Ну, там «Плацент-формула» – и кожа разгладится, и волосы вырастут, и всё станет длиннее!» Вот! А я ж в роддоме работаю. Ну, подумай, зачем мне платить бешеные бабки, когда всё это у меня под боком в невероятных количествах! Вот ты бы мне сколько лет дал?

– Пятнадцать!

– Да нет! Я о возрасте!

– Ну, больше двадцатки бы не дал.

– Вот видишь, а на самом деле... На самом деле – это всё плаценты! Я их дома через мясорубку и на морду! Офигительный результат! Согласен?

– Счастливого пути! – козырнул Бырым, поперхнувшись сигареткой, и быстро зашагал в сторону перекрёстка.

– Старший инспектор, может, пригласите меня на кофе с импрессионистами?! – крикнула я вдогонку.

Бырым лишь ускорил шаг.

Наблюдая закат

Когда-то давным-давно, в минувшую эпоху, когда категории добра и зла воспринимались по большей мере в обывательском смысле, я работала акушером-гинекологом.

И случилось у меня как-то одно из тех безоблачно-расслабленных дежурств, о которых принято говорить «ничто не предвещало».

Роддом закрывался на плановую «помывку». Приёмное отделение и родзал томились в чистоте приятного запустения. Из «ответственных» родильниц – всего одна девочка во «второй седьмой палате». Когда-то с лёгкой руки заведующего так прозвали изолятор обсервационного отделения.¹³ «Изолятор» звучало зловеще, а «вторая седьмая» если и вызывала какие ассоциации, то скорее связанные с личностью самого Бони. Он относился к тому редкому типу заведующих, которых действительно тревожил психологический климат пациенток. Да и врачей своих он хоть и дрючил в хвост и в гриву, но на более высоких уровнях «разбора полётов» в обиду не давал.

Коллектив свой он формировал долго, поэтому в оборот роддома прижившихся отдавал с неохотой. Врачи здесь были собраны относительно молодые, грамотные и в меру честолюбивые. Так что в обсервационное отделение этого родильного дома зачастую приходили рожать «на врачей», а показание к обсервации нынче у любой женщины найдётся. Да и бумага истории родов всё стерпит. Так что «вторая седьмая» стала нормой разговорной этики.

Я не спеша сделала обход, уделив внимание каждой, что удавалось нечасто. Беременные и родильницы часто обижаются на врача за то, что он не выслушал перипетий их семейной жизни, включая анамнез мужа до седьмого колена. За то, что не восхищался срыгиваниями новоявленного карапуза. За то, что, серьёзно пролистав результаты анализов, молча приставил деревянную трубку к животу, молча пощупал, молча потрогал и перешёл к следующей. А «следующих» на дежурстве – два этажа. И хороший врач определяется отнюдь не сюсюканьем по поводу «ребёночка». Выслушайте за дежурство двадцать раз «Когда же я уже рожу?» или «Доктор, когда меня уже выпишут?». Повторите сорок раз одно и то же и двадцать – разное. А затем сядьте и напишите двадцать раз одно и то же и сорок – разное. А потом... Впрочем, в тот памятный день рутинной работы было мало. Поэтому можно было от всей души пошутить над нарядом чьей-то свекрови и умилиться пучеглазому «младенчику» в кружевах.

На первом этаже дежурила Леночка – совсем юная акушерка, два месяца как из училища. Я приказала ей не отлучаться от «второй седьмой», где лежала девочка в третьих сутках послеоперационного периода. Девочка была проблемная. Она шумела, скандалила, не желала вставать, крыла матом всех и всё вокруг. Я, честно говоря, наискосок пролистала историю родов, особо не вникая. Поступила она необследованная, с преждевременной отслойкой нормально расположенной плаценты. Оперировал Боня. «Ну, значит, и анестезиологическое пособие было адекватное и хирургическая часть – на высоте. Третьи сутки – «полёт» относительно нормальный». Я посадила Леночку на индивидуальный пост «на всякий случай», хотя в другое время не позволила бы себе такой роскоши, и успокоилась.

Спустя полчаса я сидела на крылечке с анестезиологом. Мы пили кофе и вяло перешучивались по привычке. Роддом закрывался почти всегда в очень удачное время – август—сентябрь – бархатный сезон. Ещё грело солнышко, но уже опадали жёлтые листья. Было красиво, устало и медленно.

– Слава богу, закрываемся. Месяц-полтора покоя, – расслабленно промяукала я, затягиваясь сигаретой.

¹³ Одно из отделений родильного дома, куда поступают необследованные, инфицированные, температурающие и проч.

– Ага, подзаколебало всё это уже...

Кокетничали, конечно, отчасти. Типичный кастовый снобизм. В хорошем, разумеется, смысле. Ну, сколько бы мы смогли там – снаружи – среди жёлтых листьев, тепла и романтической тоски. Без карусели рутинных дел, без тычков и пинков от начмеда на утренней врачебной конференции, без этого специфического больничного запаха. Без удивительной атмосферы единения хаоса и порядка. Радости и печали. Волнений и слёз... Короче, любили мы свою работу.

Рвите меня на части, злые гении. Но всё-таки оно есть – неизбывное таинство рождения, сколь банальным ни казался бы вам приход в этот мир. И есть великая честь – быть рядом в момент совершения этого таинства. Не потому, что, быть может, именно сейчас при тебе на свет выходит новый мессия или разгильдяй-петрушка. Барышня, способная разбивать сердца, или хулиган, который в очередной раз совершит революцию в физике или биологии. А может, убийца, маньяк? Обычный смертный? Кто знает, как на них влияем мы – те, кто рядом. Может, и никак... Скорее всего. Мы – каста наблюдателей. Наблюдателей таинства рождения. Вряд ли нам дано изменить ход истории, я больше чем уверена – он определён. Не нами и не сейчас. Мы встречаем, показываем, где встаёт солнце, отворачиваемся на секунду – и уже никого. Но след элементарной частицы остаётся в нас...

Всю эту благостную философскую ерунду я вливала в Серёжины уши. А он грелся на солнышке, скорее всего раздумывая, как бы на отложенные деньги свозить наконец жену и дочь куда-нибудь недорого, но прилично.

Но тут на крылечко вылетает санитарка.

– Юрьевна! Алексеич! Бегом! Леночка орёт! Что-то случилось во второй седьмой!

Боковое зрение на миг фиксирует оранжевый пожар листьев, слух – хлопок двери за спиной, десять секунд – и мы на месте.

Агония – не самое приятное зрелище. Агония молоденькой девчужки мучительна и не похожа на заслуженное увядание старости, где смерть не приговор, но лишь закономерный результат. Тело не хочет умирать никогда, как бы того ни желал сам человек и что бы он для этого ни делал.

Можно увидеть смерть жизни. А можно – смерть каждой секундочки из девятнадцати лет жизни этой девочки!

Творец вдыхает душу. Но дышать за нас не в силах. Поэтому, вдохнув, Он просто уходит играть в кости...

Это страшно – когда впервые. Да и позже невозможно привыкнуть. Приходится выставить счётчик «ограничителя потерь», пользуясь терминологией старичка Карнеги.

«Привыкнуть»... Как легко писать спустя годы. Вы полагаете, врачи циничны? Врачи ранимы. Цинизм – это броня. Это щит. Если постоянно ходить под ледяным дождём – заболешь и умрёшь или закалишься.

Да, это тяжело – удерживать голову, эвакуировать рвотные массы из уже полумёртвого тела. Или полуживого? Нет этого: полу– ... Стакан либо полон, либо пуст. Не так страшны расслабляющиеся сфинктеры, как тёмная кровь, истекающая из влагалища и раны. И ты умоляешь её литься. Но нет. Она застывает мерзкой липкой студенистой массой. Эта обычно такая живая, струящаяся кровь. Не слизи, изливающиеся на тебя, и предсмертный глухой гортанный хрип пугают тебя. А эта кровь – то вдруг внезапно брызнувшая яркой алой струйкой, дарящей надежду, то застывшая пятном раздавленного мёртвого насекомого...

Нет. Никаких истерик. Сплошные реанимационные мероприятия. Без эффекта. Смерть констатирована в 19.07 такого-то числа такого-то месяца такого-то года. Подпись ответственного дежурного врача, анестезиолога и начмеда. А дальше – сухой язык протоколов вскрытия,

яростные клинические разборы. Тактика «до» и стратегия «после». Посмертный эпикриз.¹⁴ Облздрав. Лишение категории. Потому что хирургическая смертность «имеет право» быть, а материнская – нет. Даже если «вся деревня была её», как сухо обронит мать девчушки. Даже если твой предварительный диагноз «тромбоэмболия¹⁵ лёгочной артерии» сходится на клинической картине с посмертным «бактериально-токсическим шоком». И даже если врачебная тактика... Да я и не об этом.

Я даже не знаю о чём... О мраморных пятнах? О том, что та, что жаростно материлась днём и чуть не побила акушерку, которая вколола ей фраксипарин из личных запасов заведующего, уже никогда ни слова не скажет? О том, что та, что не хотела подниматься, вдруг встала, напилась воды из-под крана, съела котлету соседки и умерла?

Мы слепцы – мы ищем причину смерти в тромбах, закупоривающих артерии. В протеолитическом¹⁶ действии микроорганизмов... В бог и чёрт знает чём ещё... И это всё тоже верно. Ведь слон – он немного и хвост, и хобот... И бредём мы во тьме, ориентируясь на редкие вспышки. И философствуем зря. Много слов тратим там, где уместнее молчание. Работа такая. И смерть для тебя – просто часть работы. Ты сейчас закуришь, и тебя отпустит. Ты возьмёшь историю родов, внимательно просмотришь, напишешь посмертный эпикриз. И уже скоро принесётся начмед – и успокоит тебя, и наорёт на тебя, и снова успокоит. Это для тебя пока в новинку, а им... Не их вина. Они защищаются, защищают и защищаются вновь. Тут – только от системы, потому что маме этой девочки всё равно. И ребёнка она не заберёт. А ребёнок – родился. И родился здоровый, как ни странно. И ты даже узнаешь пару лет спустя, что его усыновили и он, скорее всего, счастлив и здоров. И наверняка кому-то там наверху или внизу надо было, чтобы выжил именно этот ребёнок. Иначе как объяснить, что она со всем этим, обнаруженным на вскрытии и посеве материалов аутопсии,¹⁷ – выносила беременность. Выжила во время неё. И ещё три дня совершенно непонятно чем и зачем цеплялась за жизнь. Не она. Её тело. Разрушенное изнутри инфекциями и наркотиками. Кем он будет, этот ребёнок, мессией или петрушкой? Кто бы ещё рассказал, в чём разница...

У каждой касты наблюдателей свой, ограниченный круг наблюдения. А может, и не наблюдатели мы, а ассенизаторы... или просто «ключи подаём»... Не знаю. И знать, честно говоря, не хочу. Не желаю искать причины и уж тем более приглядываться сквозь годы к следствиям. Я знаю, что в 19.07 такого-то числа такого-то месяца такого-то года пение птиц ни на секунду не стало тише. И солнце не закатилось внезапно на востоке, и свет не померк в глазах ни у меня, ни у анестезиолога, ни у акушерок и анестезисток, и лишь только Леночка верещала истошным голосом, пока Серёжа не вколол ей чего следовало. Да и кричала-то она не от страха. Живые не боятся смерти. Живым не нравится её некрасота.

А ты завтра пойдёшь в морг и будешь равнодушно всматриваться в то, что покажет тебе патанатом. Будешь соглашаться или оспаривать. Завтра ты будешь заниматься ремеслом. Как и сегодня. Как и каждый день. И это правильно. Не надо нам знать больше того, чем положено. Ни вперёд, ни назад, ни вверх, ни вниз, ни под. А если и явится тебе эта девочка как-то ночью – так это всего лишь память и её фантазии.

Когда кто-то невидимый выводит на запотевшем зеркале таинственный иероглиф, чтобы связать детективную и эзотерическую часть сценария, – это не знак.

¹⁴ Заключение.

¹⁵ Закупорка тромбом.

¹⁶ «Белковоразлагающем», «белковорасплавляющем».

¹⁷ Посмертное исследование тканей.

Когда вы что-то очень ждёте, а оно не приходит, или приходит не то, или приходит не туда, или наоборот – это не знак – это проекция произведения ваших страхов и ожидания на экран воспалённого воображения.

А вот когда ты с Серёжей после полуторасуточного марафона отправляешься в кафе выпить уже, наконец, водки, к нему вдруг прибивается большая лохматая псина, которую он забирает с собой... Так вот это и есть то самое... Неуловимое. Необъяснимое. Ускользящее. Не потому, что оно хочет ускользнуть. И не потому, что наши органы чувств несовершенны. А потому, что смотрим мы не туда. Вернее – запоминаем не то.

Не надо помнить стоялые лужи тёмной крови. Не надо раздумывать о гениях и хулиганах. Нужно только видеть и слышать пение птиц, счастливые глаза пса и прекрасный яркий закат такого-то числа такого-то месяца такого-то года.

Не будет физиологических подробностей. Не будет извечных вопросов «Кто виноват?» и «Что делать?».

Я там была. Я видела эту смерть и этот закат, этого пса и этого ребёнка. Лишь об этом я и пишу.

Знать бы, у кого попросить прощения за всё это, но я не знаю. Я – ремесленник. Я – наблюдатель.

«Здравствуйтесь, доктор!»

Безмятежен сон дежуранта перед закрытием роддома «на помывку». Приёмное безмолвствует. Редкие недовыписанные родильницы не тревожат шарканьем пустынные коридоры...

Но тут романтический флёр грубо обрывает трезвонящий телефон. В приёмный покой главного корпуса меня срочно требует мой приятель, по совместительству – врач урологического отделения. Нервно так требует. Даже сам звонит, а не медсестра.

– Беги, – говорит, – срочно в цистоскопическую приёмного отделения! Ты мне очень нужна!

– Конечно, Олег, чтоб ты уже был здоров! Приду, только скажи, в чём дело, потому что если выпить со мной хочешь, то я всё ещё замужем, как ни странно! – А он охает, ахает и что-то невнятно стонет в трубку.

Вздыхнув, натягиваю на пижаму халатик. Нет. Не сексуальный. Белый. И спускаюсь в подвал. Кто знаком с устройством многопрофильных больниц-монстров, знает, что самое интересное место в них – подzemелье. Больничные подвалы куда как интереснее надоевшего всем метро. Вот о чём книги писать надо и где презентации проводить. В больничных подвалах-переходах!

Иду неспешно. Курю. Ни акушерку, ни инструмента какого узкоспециального с собою не прихватила. Потому что я хоть и злая, но добрая. Не люблю почём зря людей тревожить, хоть и по ранжиру.

Поднимаюсь в приём главного корпуса. Захожу в цистоскопическую. И вижу такую картину.

На кресле лежит молоденькая пухлая девчушка, из недр её струится кровь в слишком больших для урологии количествах, но характерного для акушерства колеру.

Олег Иванович стоит на полусогнутых, и по очкам его изнутри струится пот. А снаружи – кровь девицы. В трясущихся руках – младенец орущий, одна штука, которого он поймал, а пуповину отрезать некому. Не положишь же его в почечный лоток, чтобы за ножницами потянуться.

На полу валяются без чувств две белые женщины. Одна – цистоскопическая медсестра Аня. Вторая – цивильно одетая незнакомка.

Чуть в стороне на фоне белой стены визуализируется абрис рубашки и брюк, которые говорят мне: «Здравствуйтесь, доктор!» И я понимаю, что это мужчина лет сорока с небольшим. Тоже белый. Только совсем. В смысле – абсолютно сливается со стеной.

– Где ты ходишь?! – орёт Олег. – Я так уже пять минут стою, а они валяются, а этого заело – всё время говорит: «Здравствуйтесь, доктор!»

В общем, позвонила я акушерке, велела галопом нестись ко мне с набором инструментов для осмотра родовых путей и всяким прочим кетгутлом-лидокаином.

Чтоб вы уже не беспокоились, сразу скажу, что жертв и разрушений не было и всё закончилось банально. То есть хорошо. Как выяснилось позже, начиналось всё тоже банально. А хорошо или плохо – не мне судить. У меня другая специализация. Сами сообщайте.

Папа с мамой привезли в приёмный покой больницы свою дочь-девятнадцатилетнюю с жалобами на резкие боли в низу живота. В приёме при опросе выяснили, что девица уже трое суток не мочилась, и вызвали уролога. Уролог положил её на кресло, чтобы катетеризировать, а при подобного рода контактах с несовершеннолетними пациентами нужны родители. Нет родите-

лей – опекун. Тётя Маша или завхоз ЖЭКа. Неважно кто, но чтобы был. Во избежание, так сказать, и чтоб по букве.

И вот Олег Иванович видит странное, заглянув куда следует. Видит что-то там округлое, морщинистое, с волосами и елозит туда-сюда. Он, конечно, немного испугался, но вспомнил, что это похоже на картинку из учебника акушерства для четвёртого курса за подписью «Головка плода прорезывается» и побежал мне звонить. От страха толком ничего не объяснил. А может, подумал, что я телепат. И вот пока я телепалась по подвалу, девица издала истошное: «А-а-а-а-а-а-а-а-а-а!!!» – и головка плода из состояния «прорезывается» перешла в состояние «прорезалась», не испытав, слава богу, никаких затруднений, и в руки решившего быть мужественным Олега шлёпнулся младенец доношенный пола мужского весом в 3500 г, ростом 52 см, с оценкой по шкале Апгар¹⁸ 10 баллов.

Вот в этот самый момент и упали в обморок медсестра цистоскопическая и мама... пардон, уже бабушка. А папа побелел на всю оставшуюся жизнь. Медсестра – потому что хоть и цистоскопическая, а роды первый раз видела и вообще крови боится. А папа и мама – НЕ ЗНАЛИ!

Не заметили. Не могли подумать. Ага. Интересно, «Аленький цветочек» – книжка для детей или для родителей?

Из школы – домой. Пообедала – уроки сделала – на курсы английского – домой. Уроки сделала – поужинала – спать легла. Много ли родителям надо? Накормлено, напоено и дома спит.

А поговорить?!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!

– Ну, располнела немного в последнее время, – скулила пришедшая в себя мама-бабушка часом позже. – Что вы, доктор! Она же ещё в куклы играет! – добивала она меня железным аргументом.

Пришлось честно признаться, что я тоже сплю с плюшевым мишкой. Но мой муж так благороден, что дал нашему ребёнку своё отчество и фамилию.

Родители девочки повели себя достойно, кстати. Девчушка написала отказ от ребёнка, а они – усыновили. Так что теперь они ещё и родители собственного внука. Девочка окончила школу с золотой медалью. Поступила в институт, и говорят, что её младший брат уже отбирает у неё серую белужью икру. Потому что grand-папа у них хорошо зарабатывает. Правда, ещё поговаривают, что когда нервничает, то громко кричит на подчинённых: «Здравствуйте, доктор!»

P.S. Олег мне потом признался, что первым рефлекторным желанием было отбросить младенца. Еле-еле успел подавить ментально.

Помните старый анекдот?

– Доктор, у меня левое ухо болит.

– Я – доктор права.

– Достали вы, доктора, своей специализацией! Доктор права! Доктор лева!

¹⁸ Фамилия автора, предложившей шкалу (женщина-американка).

Милочка и йод

Когда воробьи заливались соловьями, а люди в форме отпускали тёток на «Маздах» с «расчленённой» в багажниках под честное слово, то есть давным-давно, я работала акушером-гинекологом.

Привели ко мне как-то раз девицу.

Девица была зело беременная, весьма хороша собой и манернее бельгийского белого шоколада с изюмом и нугой. В те стародавние времена существо по имени «гламур» проходило первые стадии эмбриогенеза на наших бескрайних просторах, и она была первой его ласточкой. Ласточкой в 97 кг живого веса. Назовём её, скажем, Милочка.

Привела её ко мне, скажем, Люсечка, имевшая благоприятный экспириенс родоразрешения под моим чутким руководством и при моём скромном участии. Люсечка сообщила мне загадочным многозначительным тоном, что Милочка – любовница Иван Иваныча и плод в чреслах ея – результат пылкой, но тайной любви с указанным средневысокопоставленным товарищем. И сакрально выдохнула: «Милочка – врач! Стоматолог...» На последней ноте сей увертюры Милочка брезгливо-приветственно кивнула мне свысока, как VIP-клиент кабацкому халдею.

Тут я вынуждена сделать лирическое отступление. Я весьма уважительно отношусь к стоматологам. Мало того, единственный мой друг женского пола – стоматолог. Нет. Не Милочка. Но я, к стыду своему, мало что понимаю в кариесах, пульпитах и вряд ли когда-нибудь возьму в руки бормашину.

Милочка же знала об акушерстве-гинекологии всё. Она знала, что у неё несомненные показания к кесареву сечению, потому что ей двадцать девять лет, а рожать – больно. Она не посещала женскую консультацию, потому что «все врачи – дураки!», а кое-как уточнённый мною с помощью «дурацких» методик срок в 38–40 недель Милочку не устраивал. Потому что, по её подсчетам, было «месяцев семь». В общем, она рассказала мне, как и что я должна делать и в какой последовательности. Безапелляционным тоном. И, как добрая барыня, в конце своей речи добавила, мол, не забудьте жиры лишние убрать, раз уж вы будете «внутри». И – да! – как же! – шов только косметический! И чтоб никаких!

Конечно-конечно! И круговую подтяжку ануса! У нас же вывеска над роддомом так и гласит: «Клиника пластической хирургии». Спорить с беременным стоматологом – неблагодарное дело. Пациент, естественно, всегда прав, а дальше – как доктор прописал.

Посему я попросила Милочку завтра явиться на плановую госпитализацию в наблюдательное отделение родильного дома. Холодно кивнув мне на прощание, она сказала: «Хорошо! Завтра мы с Иван Иванычем будем, и вы ещё посмотрите, у кого тут тридцать восемь и сорок по Цельсию!» Властно цапнула Люсечку за рукав и рявкнула: «Что ты нашла в этой пигалице?! Пошли!»

Ночью заорал телефон:

– Я рожая!!!

– Кто «я»?

– Ну я, Милочка!

– У вас схваткообразные боли в низу живота? Выделения? отошли воды? Что конкретно?

– Я встала пописать, и у меня заболела спина.

– Милочка, выпейте таблетку но-шпы и ложитесь баю-бай. Завтра, как и договаривались, подъезжайте с утра. Мы вас госпитализируем, обследуем, и все будет хорошо.

– Доктор, я рожая!!!

– До свидания, Милочка.

Она позвонила мне ещё раз пять за ночь.

Утром, злую как чёрт и получившую на «пятиминутке» от начмеда по самое «не могу» уже не помню за очередное что, меня вызвали в приём, потому как «скандалит какая-то баба и ссылается на вас. А именно орёт, что вы должны тут её ждать».

– Скажи ей, что я только на минутку отошла пописать и снова на пост, с цветами! – прошипела я на ни в чём не повинную санитарку и бросила трубку.

Я не имела дурной привычки «выдерживать пациента в приёме», если у меня не было более срочных насущных дел, но тут не могла отказать себе в удовольствии выпить чашечку кофе. Санитарка баба Маша могла в одиночку выдержать оборону Москвы, а не то что какую-то Милочку в приёмном покое.

Через двадцать минут в весьма благодушном настроении (спасибо годам кофейной медитации) я, сияя улыбкой, вышла в приём. Ей-богу! Королева Елизавета была бы не столь разгневана.

– Я вас уже два часа жду! – рявкнула свекольная Милочка. – А у Иван Иваныча каждая секунда расписана!

– Сочувствую. Но он нам ни к чему. Я вполне удовлетворюсь вами. Вы взяли всё необходимое?

Выяснилось, что Милочка не взяла ничего – ни паспорта, ни чашки, ни зубной щётки, ни пижамы. Поэтому таинственный, расписанный как время «Ч» Иван Иваныч ещё гонял куда-то за документами, тапками, йогуртом, свежим номером «Космополитена» и новым романом Донцовой. А потом ещё и за шёлковым постельным бельём любимого «королевой» колеру.

К полудню мы госпитализировались. Естественно, в отдельную палату. С отдельным гальюном. Впрочем, Милочке всё было не то и не так, пока на неё наконец не рявкнул уже сам Иван Иваныч, который действительно куда-то слишком опаздывал. Но уже не на встречу в министерстве, а по делам «действующей» жены.

Я сделала обход, сходила на плановую операцию, вызвала ЛОР-врача к Ивановой, кожно-венеролога – к Петровой и юриста – к Сидоровой. Стесала по дороге под ноль пару гусиных перьев об истории чужого счастья и т. д. Весь день исчадие ада по имени Милочка терроризировало акушеров и санитарок. Всё было не по ней. «Колоть» не умел никто. Сдавать анализ мочи она не хотела, и так далее в подобном духе. Ну, оставим лирику и перейдём к физике процесса.

При поступлении данные внутреннего акушерского исследования оставляли мне надежду спать предстоящую ночь спокойно. Но акушерство так же непредсказуемо, как поведение породистого жеребца. Сейчас он – само спокойствие, а через две минуты может, испугавшись ёжика, подняться в галоп. Посему появившиеся к вечеру у Милочки первые признаки регулярной родовой деятельности не стали неожиданностью, но лишь заменили сон на перекуры с кофе.

А Милочка начала орать.

Вы были когда-нибудь на сафари? Слышали африканских слонов в брачный период? У вас есть радиозапись бомбёжки Дрездена? Нет? Совсем ничего из перечисленного? Ну, тогда вам и близко не стоять. Потому как даже синтез всего приведённого не отразит тот уровень децибелов, интонационные оттенки и семиэтажные маты, выдаваемые Милочкой в пространство.

Я перевела её в родзал.

Она материла акушеров, Иван Иваныча, всех мужиков и маму с папой, которые её на свет родили. Она билась головой об стены родзала и ложилась на пол прямо посреди коридора. На бедном интерне, опрометчиво оставшемся с нами на ночь, не осталось живого места. Она хваталась за него двумя руками и давила бедного юношу, как лимон, приговаривая: «Мамочка... Мамочка... мамочка-а-а-а-а-а-а-а-а-а...» Всей бригадой мы отрывали Милочку от несчастного интерна, внушая ей, что он – папочка и дома его ждут жена и очаровательная малышка. Но

куда там! Никакие увещания, уговоры и угрозы не действовали. Милочка перешла на визг: «Режьте меня! Режьте меня!! Режьтеменя!!!»

Динамика открытия была ни к чертям. Сердцебиение плода начинало помаленьку страдать, потому как все силы Милочки были брошены на демонстрацию невыносимой боли за несправедливость мироустройства. Генератор лучистой материнской энергии, анонсированный Творцом как целевое устройство родовспоможения, начинал дымиться от перегрузки. Ведь на него повесили и мотор, и дальний свет, и концерт группы «Iron Maiden» с акустикой в тысячу ватт.

Не буду утомлять вас узкоспециальными подробностями. Промучившись ещё пару часов, я поняла, что созрели те самые «по совокупности показаний со стороны матери и со стороны плода», и, записав в историю родов правду, правду и ничего кроме правды: «Слабость родовой деятельности, не поддающаяся медикаментозной коррекции. Начавшаяся внутриутробная асфиксия¹⁹ плода», развернула операционную. За время эпопеи с Милочкой в родзал к тому же поступили ещё двое, и у меня не было ни малейшего желания изводить не только бригаду, но ещё и ни в чём не повинных рожениц. Знаете, как бывает, когда в конюшне появляется конь с вредной привычкой? Ну, например, – шумно заглатывать воздух. Вся конюшня, весело фыркая, начинает повторять. В результате – поголовное мучение желудочно-кишечными коликами. А надо было всего лишь превентивно удалить одного шалопаю.

Между тем Милочка пообещала анестезиологу загрызть его живьём, если ей будет хоть «капельшечку дискомфортно». Уже лёжа на операционном столе под среднетяжёлым дурманом премедикации, она схватила меня за ляжку и зловеще прошептала: «Косметика!!!»

Ну, ладно, эта дура набралась где-то околоподъездных сведений... Но вот какой чёрт дёрнул меня – умницу и ученицу одних из самых-самых акушеров-гинекологов, не побоюсь этой пошлости, современности?.. Не иначе как усталость сказалась или ПМС у меня был. Теперь уж и не упомню. После всей этой рыхлой и не по сезону Милочкиного возраста пожелтевшей подкожной клетчатки, после всех этих дрябленьких мышц, этой синюшной брюшины, этих вяловолокнистых апоневрозов²⁰ и варикозной матки я, вместо того чтобы заштопать её, как доктор Донати прописал, наложила ей косметический шов. Аккуратненький такой. Без «ротиков» и прочих дефектов.

Опустим подробности выхождения из наркоза и первых послеоперационных суток. Первый раз в жизни я хотела убить.

В общем, быстро сказка сказывается, да не быстро дело делается. Придя в себя и немного очухавшись, Милочка пожрала немыслимое количество сухарей, запила это мегалитром кефира и заела центнером печёных яблок. Церукал²¹ уже никто не считал. Шипение, раздававшееся из газоотводной трубки, воткнутой в Милочку, воспринималось обычным фоновым звуком послеродового отделения.

Но «...и это пройдёт».

Спустя всего пару суток она была уже при макияже. Как-то во время обхода я застала такую картину. Милочка возлежит на высоких подушках, раздвинув ноги. Между толстенных, трясущихся от малейшего прикосновения ляжек у неё пристроено зеркало с ручкой, и, поворачивая его так и эдак, она рассматривает свой «цветок лотоса» и всё, что его окружает. Дело вито так рассматривает. Изучает. И вдруг как заорёт:

– Доктор! У меня ОТТУДА идет кровь! Я же уже третий день чувствую – что-то не так!

– Так надо, – вздохнув, говорю я Милочке. – Это, дружок, лохии. Слизистые кровянистые выделения. Если их не будет – то тебе будет бо-бо. У тебя будет температура. В общем,

¹⁹ Удушье (*лат.*).

²⁰ Анатомическое образование.

²¹ Медикамент.

всё это будет называться эндометрит. Ну, помнишь? Вот есть гингивит. А есть – эндометрит. Чему нас учат в школе? Что окончание «-ит» обозначает? Пра-а-авильно! Воспаление! Давай зачётку. Отлично с отличием.

– Сами вы лох! – обижается Милочка.

– Да. Тут я не могу с тобой не согласиться, потому что лох я и есть. Натуральный. – И приступаю к перевязке, потому как акушерке или операционной медсестре Милочка своё послеоперационное пузо не доверяла.

Шов между тем слегка подтекает. Но всё в пределах нормы. И я, сплёвывая через левое плечо и молясь всем богам, пытаюсь всё это вот так вот как-то сохранить, улучшить и выписать её к едрене фене, потому что неонатологи уже тоже готовы. И выбор их небогат – или выписать Милочкино вполне здоровое дитя, или сделать всей бригадой харакири.

Под видом перевязки (во время которой Милочка лежит со страдальческим выражением на лице и изгибается дугой при малейшем намёке на прикосновение) я накладываю пару отсроченных швов кое-где, кое-чего распускаю. Ну, короче, кому надо – тот знает методики.

На восьмые сутки я выписываю это чудо и сдаю с рук на руки Иван Иванычу, который, к слову сказать, оказался приличным и вполне порядочным мужиком. Напутствую Милочку рекомендациями и говорю, мол, если что – приходи. А лучше – звони. А ещё лучше письма пиши. Из Австралии. Отправляй с почтовой черепахой.

Проходит пара дней. Я радостно шагаю ранним утром на работу. На мне новые великолепнейшие сапоги невероятно модного фасона из прекраснейшей кожи, приобретённые на честно заработанные мною деньги Иван Иваныча. И, кажется, ничто не может испортить мне настроения. Ни серое небо, ни будничные лица, ни предстоящая «пятиминутка», где меня обязательно будут за что-нибудь сношать часа полтора.

Но жизнь – циничная тётка с чёрным-чёрным чувством юмора! М-да... У приёма стоит чёрная-чёрная машина Иван Иваныча. У машины стоит чёрный-чёрный Иван Иваныч. Чёрным-чёрным ртом он шепчет мне чёрные-чёрные слова: «Милочке плохо. Я её привёз». Я заглядываю в чрево чёрной-чёрной машины. В ней, скрючившись, сидит белая-белая Милочка.

– Что, – спрашиваю, – деточка, случилось?

И вдруг Милочка, совсем по-детски всхлипнув, впервые за всё время тихо заплакала. Заплакала как маленькая девочка и только и смогла прошептать:

– Больно. Очень больно...

Знаете, что она сделала? Рассмотрев своё хозяйство дома в зеркале ещё раз, она узрела какой-то дефект в свежезатягивающемся рубце – в том месте, где я наложила отсроченные швы. Там себе спокойно всё заживало вторичным натяжением, не создавая особых забот, кроме тех, что я порекомендовала проходящей (!) на дом (!!!) акушерке. Но Милочка не выкла ждать и отступать. Она решила помазать всё это дело йодом. Ну хули не помазать?! А для «надёжности», как она изволила выразиться, Милочка «вылила себе туда» – то есть в рану – целый пузырёк пятипроцентного йода.

За месяц выходили, конечно. И её. И Иван Иваныча. Мы ж не изверги.

Носки, алчность и незапланированная беременность

Давным-давно, когда из всей ядерной физики была только лампочка Ильича, курили мы с анестезиологом на ступеньках приённого покоя.

Чтобы вы знали – хирурги и анестезиологи вообще всё рабочее время посвящают курению. А в свободное от курения время немного едят, немного оперируют, немного обходят туда-сюда палаты. В общем, бездельничают. И, как все бездельники, очень нервничают, когда их отрывают от основного занятия – курения. А мы как раз немного пооперировали – две плановые и одна ургентная. Немного пописали – аж дым из подшипников в запястье правой руки пошёл – и, наконец, приступили к главному занятию всей нашей жизни.

А курить с Серёжей было интересно. Анестезиолог от Бога, балагур, кобель и вообще редкой интуиции и таланта личность.

Курим мы, значит, себе манерно, мечтая телеса под душем омыть, ибо постоит жарким августовским днём трижды в операционной, обёрнутые в многослойный компресс из пижамы, полиэтиленового фартучка и хирургического халата, с бедуинским намордником на всю голову и в очках.

Курим и мечтаем. Вот, мол, душ, пожрать, вечерний обход и в койку в нарды играть, пока не началось...

Но тут карета «Скорой помощи» подъезжает. И мы понимаем – началось.

Ведут под белы рученьки – хотя по-хорошему на каталке бы надо в такой ситуации – очень дебелую женщину невнятного прикида. Не бомжиха вроде... Но какой-то на ней не то кафтан, не то ватник. Кеды какие-то войлочные. Ну да ладно. И не такое видали. Пока её акушерка с санитаркой раздевают – моют – на кушетку укладывают, я ребятам из «Скорой» бумажки подписываю. Мол, доставили в лучшем виде с предварительным диагнозом «влажалищное кровотечение невыясненной этиологии²²». Диагнозам «Скорой» можно поэму посвящать. Ребята они все отличные. Пашут, как колхозные лошади времён продразвёрстки, и всё такое. Понять можно – тут не до диагнозов. Хоть «х.з.» не пишут, и на том спасибо. Я доктора «Скорой» за халат – цап!

– Мил-человек, – говорю, – если у неё «влажалищное кровотечение хэээ-этиологии», пошто ты её мне в обсервацию приволок? Тащи в гинекологию.

– Да рождает она... – отвечает он мне меланхолично. – Дай закурить. – Протягиваю пачку в надежде на развёрнутые комментарии. Забирает всю и молча, прихватив фельдшера, исчезает в августовском липком мороке.

А я остаюсь в приённом.

Серж никуда не уходит, потому что опытные анестезиологи жопой чувствуют ситуацию. Пока я со «Скорой» политеся разводила, он уже анестезистку с чемоданом вызвал.

Амбре тётка издает неммыслимое. Акушерам-гинекологам это обычно до одного места. Они к кислотине разной степени гнильцы привыкшие. Но тут – что-то невообразимое. И не из района дислокации «цветка лотоса», а от всего тела. Даже наши с Сержем бесчувственные носики рефлекторно скривились. А санитарка уже допрашивает:

– Когда мылась последний раз, женщина?!

– Неделю тому баньку топили... – отвечает та и смотрит на нас, как Алёнушка на Змея Горыныча.

Мне неудобно стало. Я так извиняющимся тоном говорю:

– Раздвиньте, пожалуйста, ноги, мне надо посмотреть, что там.

Она глазами клыпает, прям как будто сказать хочет: «Не надо!»

²² Происхождение (лат.).

– Надо, Вася, надо! – говорю строго и убедительно.

Она ноги раздвинула, и меня прям ударило волной убойной мысли: «Преждевременная отслойка плаценты». Кричу акушерке:

– Стетоскоп! – А тётку спрашиваю: – Какой срок?

– Какой срок? – испуганно вторит мне она. – Никакого срока нет! Не сидевшие мы и в президенты не выдвигались! Никакого срока на мне нет, боярыня доктор!

– Не ври! – злобствую. – Есть на тебе срок, и немалый! То есть – в тебе! Зачем доктору врешь?!

– Вот те крест...

– Какой, говорю, на хрен, крест, если я сердцебиение слышу?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.